II. Баба-Яга.

---

7. Нѣтъ спору, что въ Германской Миѳологіи та женская личность, къ которой относятся намеки Рождественскихъ обрядовъ, есть Гольда или Берта. Съ Гольдою-Бертою сходно во многихъ чертахъ, а нѣкогда было тождественно, Миѳическое существо, имя котораго поставлено въ заглавіи статьи. По этому вѣроятно, что оно именно предполагается Рождественскими обрядами, хотя бы прямыхъ указаній на это и не было.

Гольда, въ новыхъ Нѣм. нар. Holle, Hulle и пр., значитъ кроткая, милостивая, благосклонная, и дѣйствительно представляется благосклонною къ людямъ.

Когда идетъ снѣгъ, то это, говорятъ, Frau Holle взбиваетъ свою пуховую постель, или щиплетъ своихъ гусей, или широко разстилаетъ свое бѣлое платье. Если дождь идетъ всю недѣлю, то въ пятницу, или въ субботу, слѣдуетъ ожидать солнечнаго дня, т. е., Гольдѣ нужно высушить къ Воскресенью свое покрывало. Изъ этихъ и имъ подобныхъ свидѣтельствъ выводится, что въ основаніи образа Гольды лежатъ различныя представленія небесной воды, тучи, посылающей дождь и снѣгъ.

Еще въ Ведахъ небесная вода представляется земною, облако—колодцемъ. Въ силу такого же представленія Гольда живетъ не только на небѣ, но и въ озерѣ, или источникѣ. Люди видятъ, какъ въ полдень она, прекрасная бѣлая женщина, купается и исчезаетъ въ волнахъ. Сказка помнитъ, что колодязь Гольды собственно не на землѣ, а на небѣ: дѣвица, брошенная мачихою въ этотъ колодязь, находитъ на днѣ его домъ Гольды на пре-

красномъ лугу; Гольда задаетъ ей работу каждый день перебивать постель, такъ чтобъ сыпались перья, отъ чего на этомъ свѣтѣ снѣгъ; но вѣдь снѣгъ идетъ сверху, а не снизу.

Не менѣе древни представленія облака горою, пещерою, или деревомъ, лѣсомъ, согласно съ коими Гольда живетъ также въ горѣ, въ просторной и свѣтлой пещерѣ, или въ избушкѣ въ лѣсу.

Изъ представленія небесной воды источникомъ рода земли вытекаетъ повѣрье, что ежегодные объѣзды Гольды на колесницѣ (т. е., тучѣ), во время Святокъ (съ 24 Генв. по 4 Дек.) и Масляной сообщаютъ странѣ плодородіе.

Какъ въ Славянской народной поэзіи земля—жена и плодъ земли соотвѣтствуетъ плоду жены, такъ Гольда даетъ плодородье не только полямъ, но и женамъ. У нея, въ свѣтломъ пространствѣ, за тучею, живутъ зародыши всего живаго, сѣмена растеній и души еще не родившихся дѣтей. Послѣднее видно изъ повѣрій о томъ, откуда берутся дѣти. Въ Кельнѣ говорится, что дѣтей приносятъ изъ колодязя у церкви Св. Куниберта, гдѣ до рожденія сидятъ они вокругъ Божьей Матери, которая кормитъ ихъ кашею и играется съ ними. [1] Въ этомъ колодязѣ свѣтло, какъ днемъ. Въ другихъ мѣстахъ дѣтей берутъ изъ прудовъ, изъ болота, или моря (aus dem Moor, oder dem Meer). Одинъ такой прудъ называется прудомъ Гольды (Hollenteich), другой (такъ какъ души суть эльбы, «die guten Hollen» или «Gütchen)— Gütchenteich, Gütchengrub. Мѣстами привозятъ дѣтей на лодкахъ, мѣстами приноситъ ихъ аистъ, [2] болотная птица, имѣющая миѳическую связь съ бракомъ и рожденіемъ, что видно, между прочимъ, изъ Нѣмецкаго повѣрья, что если дѣвица увидитъ летящаго аиста, то это предвѣщаетъ ей свадьбу (sie kommt auf den Brautwagen), а если сидящаго, то ее будутъ просить въ кумы. Къ Гольдѣ, по позднему полухристіянскому повѣрью, возвращаются и по смерти души некрещенныхъ

[1] Въ Малороссіи обмиравшая старуха видѣла въ раю, какъ Мать Божія чулокъ вяжетъ, а умершія дѣти передъ нею золотые клубочки держатъ (Записки о Южной Россіи I, 311).

[2] Odebero (Древне-Верхне-Нѣм.), аистъ, собственно, приносящій дѣтей, изъ od, proles и bero, ferens (Grimm).

дѣтей. На этомъ основаніи можно бы предположить, что и во времена чистоты язычества загробная участь дѣтей была отлична отъ участи мужей, за которыми Вуотанъ посылаетъ Валкирій на поле битвы и тѣхъ, которыхъ морская богиня Рânъ (Rahana, spoliatrix) сѣтьми завлекаетъ въ свои пучины. Но такое разграниченіе не первоначально. Весьма вѣроятно, что Рânъ первоначально тождественна съ Гольдою; Имп. Карла, Фридриха Барбароссу съ войскомъ (Bergentrückte Helden) и души людей всякаго возраста, сказанія помѣщаютъ въ пещерѣ, или въ колодцѣ Гольды. Полагаютъ, что герои, заключенные въ скалѣ, замѣнили верховныхъ боговъ Водана и Тунара, которые раздѣляли съ Гольдою власть надъ царствомъ смертныхъ.

Подобно Водану, Гольда принадлежитъ къ такъ называемому «Wüthendes Heer», т. е., къ ночному полету духовъ, въ основаніи коего лежитъ представленіе облака, со свистомъ и шумомъ гонимаго вѣтромъ. Въ этомъ полетѣ Гольду сопровождаютъ не только души дѣтей и людей всякаго возраста, но и вѣдьмы, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи «Hollefahren, mit der Holle fahren» принимается въ смыслѣ полета вѣдьмъ.

Гольда, какъ и другія богини, развившіяся изъ представленія облака, прядетъ, что, кажется, слѣдуетъ объяснять, съ одной стороны, связью облака, или тумана, покровенія, ткани и пряденья, съ другой—тѣмъ, что небесныя воды—женщины, по чему имъ очень прилично одно изъ главныхъ женскихъ занятій. Гольда и сама прядетъ, и покровительствуетъ воздѣлыванью и обработкѣ льна. Прилежнымъ пряхамъ она даритъ прялки, прядетъ для нихъ по ночамъ, лѣнивымъ она зажигаетъ, или мараетъ, кудель. Когда на Рождество она обходитъ страну, то привязываютъ новыя мычки къ прялкамъ и оставляютъ ихъ на ночь, нарочно для нея; на Масляной, когда она возвращается, все должно быть попрядено и прялки попрятаны. Если она найдетъ все въ порядкѣ, то благословитъ пряхъ, если нѣтъ, то проклянетъ: «So manches Haar (т. е., сколько волоконъ въ кудели), so manches gute Jahr!» или: So manches Haar, so manches böse Jahr!» Въ другихъ мѣстахъ опять говорятъ, что въ теченіе 12-ти ночей (zwölften) не должно быть льну на прялкахъ, и что, въ противномъ случаѣ, прійдетъ Frau Hulla и накажетъ. На Ренѣ (die Rhön), въ суб-

боту Гольды (Samstag der Hulla) вовсе не работаютъ: не метутъ избы, не вывозятъ навозу, не пашутъ.

Весьма важно, что Гольда является не только молодою и прекрасною, но сгорбленною, длинноногою, зубатою старухою съ косматыми всклоченными волосами. О человѣкѣ съ вихреватыми волосами до сихъ поръ говорится: «Er ist mit der Holle gefahren». Гольдою пугаютъ дѣтей. Эта двойственность Гольды, ея красота и безобразіе объясняютъ тѣмъ, что безобразіе прибавлено вліяніемъ Христіянства. Но съ этимъ согласиться нельзя, по тому что нѣкогорыя уродливыя черты Гольды и сродныхъ съ нею существъ очень глубоко коренятся въ миѳахъ.

Скандинавская Huldra, Hulla тоже то молода и хороша, хотя, какъ наши вѣдьмы съ хвостомъ (указаніе на животное происхожденіе ея человѣческаго образа), то стара и безобразна. По другимъ, она спереди красива, а сзади безобразна, какъ наши черти. Въ голубомъ платьѣ и въ бѣломъ покрывалѣ, она приближается къ пастухамъ и стадамъ, принимаетъ участіе въ людскихъ пляскахъ, любитъ музыку и пѣсни, и сама поетъ печальнымъ напѣвомъ. Въ лѣсахъ видятъ ее старухою въ сѣромъ платьѣ, съ подойникомъ въ рукѣ, впереди стада. Въ Скандинавіи она покровительствуетъ скотоводству, тогда какъ въ Германіи уже земледѣлію.

Берхта, Frau Berchte, ДВН. Përahta, извѣстна только въ тѣхъ Южно-Нѣмецкихъ странахъ, гдѣ неизвѣстна Гольда, и первоначально тождественна съ нею. Хотя, судя по имени (perahta, свѣтлая, блестящая), она должна быть добрая, кроткая богиня, и хотя дѣйствительно встрѣчается ея эпитетъ «die milte (milde) Behte, но эта черта заслоняется въ ней чертами противоположными. Обыкновенно она—дѣтское пугало, безобразная старуха: die wilde, eiserne Bertha, Frau Precht mit der langen nas', Percht mit der eisnen nasen. Упоминается «Berhte mit dem fuosze», у которой одна нога шире другой, будто бы отъ пряденья на самопрялкѣ, что на самомъ дѣлѣ совершенно невозможно, по тому что самопрялка изобрѣтена только въ XVI ст., а безобразная нога Берхты-черта, вѣроятно, доисторическая. У Берхты, какъ и у Гольды, косматые и перепуганные волосы.

Появляется Берхта между людьми, какъ Гольда, in den Zwölften; есть и особенный день, названный по ея имени (Perchtentac, Perchtennaht), именно, день на канунѣ Крещенья, наша Голодна кутя. Въ этотъ день, за ужиномъ, должна непремѣнно быть рыба (мѣстами именно сельди) и каша (иногда именно овсяная), или клецки, или особенное печенье на водѣ, или молокѣ. По одному преданью сама бѣлая женщина (т. е., Берхта, свѣтлая) разъ на вѣчныя времена оставила ѣсть въ этотъ день клецки и сельди. Кто же ѣстъ другое, у того она ночью распоретъ животъ, выметъ изъ него эту пищу и наполнитъ животъ рубленою соломою, или стружками, кирпичемъ, потомъ зашьетъ лемешомъ, вм. иголки, и желѣзною цѣпью, вм. нитки.

Подобно Гольдѣ, Берхта смотритъ за пряхами. Разъ въ ночь подъ Крещенье застала она въ одной избѣ веселое общество. Разгнѣванная этою веселостью, нарушавшую святость поста, она бросила въ окно 12 пустыхъ веретенъ и приказала напрясть ихъ черезъ часъ. По совѣту одной дѣвицы, другія обвернули веретена паклею, обопряли ихъ по разу и такъ отдали Берхтѣ, когда она воротилась. Та ничего не сказала, и только покачала головою. Въ другомъ мѣстѣ одна старуха пряла въ этотъ самый вечеръ. Берхта отодвинула окошко, заглянула въ избу и, видя нарушеніе праздника, бросила на полъ нѣсколько веретенъ, приказавши напрясть ихъ черезъ часъ. Старуха обопряла ихъ по разу, и бросила въ протекавшій вблизи ручей, и тѣмъ, по видимому, примирила богиню.

Очень замѣчательна связь Берхты съ плугомъ, плодородіемъ земли и эльбами, т. е., душами умершихъ дѣтей. Въ плодородной долинѣ на берегу Залы съ давнихъ поръ жила Берхта, царица эльбовъ (der Heimchen). По ея повелѣнію эльбы орошали поля, а она сама пахала подъ землей своимъ плугомъ. Но когда люди оскорбили ее, она рѣшилась оставить эту мѣстность. Въ ночь на канунѣ Крещенья къ перевозчику изъ ближней деревни на берегу Залы явилась высокая, величественная женщина, окруженная плачущими дѣтьми и потребовала, чтобъ онъ перевезъ ее черезъ рѣку. Она вошла въ лодку, за нею дѣти втащили плугъ и множество другой утвари. При этомъ они громко плакались, что приходится оставлять прекрасный край. Когда причалили къ тому

берегу, Берхта приказала перевозчику воротиться за остальными дѣтьми, а сама тѣмъ временемъ стала чинить плугъ. Вмѣсто платы она дала перевозчику отпавшія при этомъ щепки. Ворча, взялъ онъ три изъ нихъ и, воротившись домой, бросилъ ихъ на подоконникъ. На утро оказалось тамъ, вмѣсто щепокъ, три червонца. Такъ и Гольда платитъ за починку своей колесницы щепками, которыя потомъ превращаются въ золото. [3]

Собранныя здѣсь черты, составляющія одно цѣлое, одинъ миѳическій образъ, дадутъ намъ возможность смѣлѣе возстановлять вышедшую изъ сознанія связь между соотвѣтствующими чертами Славянскихъ миѳовъ.

8. а) Изъ очень распространенныхъ у Славянъ и Германцевъ предразсудковъ видно, что мышь находилась въ какомъ-то особенномъ отношеніи къ человѣческимъ, особенно къ дѣтскимъ, зубамъ. У Нѣмцевъ: кто ѣстъ хлѣбъ надъѣденный мышами, у того не будутъ болѣть зубы; чтобъ у дитяти хорошо прорѣзывались зубы, мать должна откусить у мыши голову и повѣсить ее на шею дитяти; когда выпадетъ молочный зубъ, нужно засунуть его въ мышиную норку, чтобъ не болѣли зубы; дѣти засовываютъ выпавшій зубъ въ мышью норку, говоря при этомъ: «Maus, Maus komm heraus, bring mir einen neuen Zahn heraus!» [4] Въ Великороссіи, когда у ребенка падаютъ зубы, то велятъ ему стать спиною къ заслечку и бросить зубъ за печь, говоря: «Мышка, мышка! на тебѣ рѣпяной зубъ, а мнѣ дай костяной!» Вѣрятъ, что отъ этого зубы скорѣе ростутъ. [5] Въ Малороссіи, перекинувши зубъ черезъ голову, дитя говоритъ: «Мышко, мышко! на тобѣ костяный, а менѣ дай зализный». Въ Славоніи посылаютъ дитя съ выпавшимъ зубомъ на чердакъ и приказываютъ бросить тамъ, говоря: «Мишъ, мишъ, ево теби зубъ костени, а ты мени дай гвоздени!» и, сказавши это, плюнуть. Это дѣлается, чтобъ были всѣ зубы. [6] У Словаковъ и въ Чехахъ, вмѣсто мыши, въ этомъ

---

[3] О Гольдѣ и Берхтѣ см. Grimm, Myth. 244—259; Wolf, Beitr.; Mannhardt, Germ. Mythen 255 слѣд. и въ др. мѣстахъ.

[4] Wolf, Reitr. I, Gebr. u Abergl. N 266, 35, 37, 38, 39.

[5] Абевега 203.

[6] Ilić, 28.

случаѣ обращаются къ Ежи-бабѣ, Еду-бабѣ, или просто бабѣ, т. е., по нашему къ Бабѣ-Ягѣ; у Словаковъ: когда выпадетъ у дитяти первый зубъ, мать приказываетъ бросить этотъ зубъ за печь, черезъ голову, и сказать: «Ježi-baba, stará baba, tu maš zub košteny, dej mi zaň železný»! въ Чехахъ: Jedu-baba, stará baba и пр. [7]

Если въ этой замѣнѣ есть смыслъ, то изъ нея слѣдуетъ, что мышь даетъ дѣтямъ желѣзные зубы, въ силу своего отношенія къ Ягѣ, которой приписывается благотворное вліяніе на здоровье дѣтей. Что замѣна мыши Ягою не есть безсмысленная случайность, это выводимъ, во первыхъ, изъ того, что какъ Яга, какъ увидимъ, имѣетъ отношеніе къ Рождеству, такъ и мышь; въ Мекленбургѣ, въ теченіе 12 святочныхъ ночей, не называютъ настоящимъ именемъ нѣкоторыхъ животныхъ, между прочимъ мыши и лисы; [8] во вторыхъ, изъ того, что въ Русской сказкѣ [9] мыши принадлежатъ къ хозяйству Яги; въ третьихъ, изъ слѣдующаго. Въ Славянскихъ и Нѣмецкихъ земляхъ извѣстна подъ разными именами игра въ жмурки. Изъ этихъ именъ нѣкоторыя Славянскія указываютъ на бабу, другія (Слав. и Нѣм.) на мышь. Въ Нерехтѣ на святкахъ «завязываютъ кому ни будь глаза и ведутъ къ дверямъ, приговаривая: «Поди, баба, въ кутъ по ременный кнутъ» и пр. Между тѣмъ слегка колотятъ его кулаками въ спину. Доведя до дверей и толкнувъ, тамъ его оставляютъ.

---

[7] Němc. Obr. ze Slov.; Erben., Ces písn. 5. Относительно производства слова Яга замѣтимъ слѣдующее: сравнивши формы: Польск. jędza, злая баба, чертовка, Словац. Jenži-baba, Jeźi-baba, миѳич. сущ., Чеш. Jedu-baba, то же, Jezinka, злая баба, Галицко-Русс. язя, миѳ. сущ., вѣдьма, злая баба. Великор. Малор. Яга-баба, предполагаемъ въ началѣ этого сл. ѣ = болѣе древнему ин; dz, z въ Польск. jędza, Чеш. jezinka, могло образоваться изъ смягченнаго d которое въ несмягченномъ видѣ—въ Чеш. Jedu-baba; з и ж въ Русс. язя, Слов. Jeźi-baba, предполагаютъ г, а это могло выйти изъ dh, какъ въ словѣ звонъ, дзвонъ, отъ кор dhban. Такимъ образомъ для всѣхъ Славянскихъ формъ получаемъ кор. индѣ, который въ Скр. значитъ зажигать (горѣть, свѣтить?). Относительно чередованія зв. д и г ср. относящіяся къ тому же кор. индѣ слова: ядно, жженіе (въ Азбуков.), язва, рана, и Иск. ягнуть, жигнуть, кольнуть.

[8] Kuhn u Schw. Nordd. Sag. 411.

[9] Аѳанас. I, 12.

Потомъ съ завязанными глазами онъ ловитъ. Игра эта, называемая здѣсь жмачки... кромѣ святокъ не употребляется.» [10] По Чешски эта игра называется slepá baba, hra na slepou babu, kuca baba, и употребляется преимущественно зимою; [11] по Польски, кромѣ именъ zmrużek, mżyk, еще ślepa babka и ciuciu babka, Малоросс. цюцю бабка, Великоросс Ряз. играть чучаромъ. По Нѣм. между прочимъ blindesmäusel, blinzel mäusel; [12] Срб. слѣпи мишъ, летучая мышь и игра жмурки («да се играмо слѣпога миша»), которая иначе называется еще туту-мишъ, тутъ-мишъ. Въ первой половинѣ этого послѣдняго слова не трудно узнать Малор. Польск. цюцю, Великор. чучаръ; этимологическаго значенія не знаемъ.

Многія сказки дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ, отличныхъ другъ отъ друга тѣмъ, что то, что въ одной разсказывается о Царевнѣ, или просто дѣвицѣ, въ другой говорится о Царевичѣ, или просто молодцѣ. Такъ, на пр., по одному разсказу Царевна обѣщаетъ выйти за того, кто ее три раза найдетъ, по другому [13] за того, кто отъ нее три раза спрячется, такъ чтобъ она не нашла. Это раздвоеніе первоначально единыхъ миѳовъ имѣетъ мѣсто и въ примѣненіи къ бабѣ.

Если можно въ этомъ случаѣ вѣрить Крольмусу, за печью, куда бросаютъ костяной зубъ, прося желѣзнаго, живетъ не только баба, но и дѣдъ. [14] Совершенно несомнѣнно такое раздвоеніе въ Малорусской игрѣ, которая называется «Цици-бабу», но въ которой, между тѣмъ, говорится только о дѣдѣ. Поставятъ одного съ завязанными глазами въ углу, и кто ни будь изъ играющихъ спрашиваетъ его: «Дѣду, Дѣду, на чѣмъ ты стоишъ?» Дѣдъ: «На глахъ (или злахъ) лободахъ, на курячёй нôжцѣ»—«Де твоя каша?»—«На полицѣ»—«А я зъѣмъ»—«А я кіемъ!»—«А я утечу»—«А я кіемъ по плечу.» За тѣмъ дѣдъ ловитъ. Изба на курячей ножкѣ, какъ извѣстно, по-

---

[10] Діевъ, Нр. и об. жит. Нерехот. Уѣзда, въ «Чтеніяхъ».

[11] Sumlork I, 474—475; Erben Ces. písn. 97.

[12] Blinzel mäusel, т. е., слѣпая мышь, по связи представленій мигать, сверкать глазами и плохо видѣть, подслѣповату быть.

[13] Skultety a Dob´a Dobš. Slov. pov. I, 548 и слѣд.

[14] Sumlork II, 158.

стоянная принадлежность Бабы Яги. Каша упоминается и въ Чешской игрѣ: Куцой бабѣ говорятъ: «Jiš ráda kašičku? Idi si pro lzičku!»[15]

Не знаемъ, можно ли принять, на основаніи упомянутой игры, въ которой слѣпота Бабы принимается въ собственномъ смыслѣ, что Яга представлялась, между прочимъ, слѣпою. Другихъ указаній на это не имѣемъ. Можно догадываться, что слѣпота Бабы значитъ безобразіе. Представленія тьмы, слѣпоты и безобразія сродны и могутъ замѣнять одно другое. Не нужно доказывать сродства темноты и безобразія,[16] но не лишни будутъ доказательства, что слѣпъ значитъ также безобразенъ. Серб. посл. «Лієпа, али сліепа» (кадъ є жена, или дѣвойка, лієпа, али непоштена, то есть, нравственно безобразна);[17] «съ поля лієпъ, а изнутра сліепъ;»[18] въ посл.: «не плаче сліепъ, што ніе лієпъ, веть што не види бієли свієтъ»— игра словъ, основанная на двойномъ значеніи слова сліепъ (слѣпъ и безобразенъ): слѣпой плачетъ не объ томъ, что онъ слѣпъ (т. е., некрасивъ), а объ томъ, что не видитъ бѣлаго свѣта.[19] Максима Црноєвича, котораго красотой отецъ, Иванъ Црноєвичъ, похвалился въ Венеціи, тѣмъ временемъ изуродовала, но не ослѣпила, оспа. Узнавши объ этомъ, отецъ не хочетъ вести его въ Венецію по невѣсту, чтобъ самому не оказаться лжецомъ, но мать говоритъ:

Я кадъ виде тамо у Латина,
Прегледаю киту и сватове,
Да є Максимъ сліепо дієте,
Не сміюти кавгу заметнути,[20]

т. е., когда увидятъ, что сватовъ много, то, хотя Максимъ безобразенъ, они не посмѣютъ затѣять ссоры, и отдадутъ за него невѣсту. Въ другой пѣснѣ:

---

[15] Erb. Čes. písn. 97.

[16] О нѣкотор. симв. въ Сл. нар. поэз. 49—50.

[17] Карадж. Срб. посл. 169.

[18] Тамъ же 292.

[19] Тамъ же 208.

[20] Карадж. Срб. пѣсн. II, 533.

Штери моя, дилберъ Єфимія,
Што си мене одвише лѣпа,
Да є Богъ до, да си ми сліепа, т. е.,

безобразна. Причина такого желанія:

Не просе те млади капетани,
Ни одъ мора морски дженерали,
Веть те просе Турки и хайдуци. [21]

Возможно также, что Баба въ жмуркахъ представляется слѣпою не только въ смыслѣ мрака — безобразія, но и въ смыслѣ мрака — смерти. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Яга-Баба (которую мы принимаемъ за одно лицо съ Цюцю-Бабою, Куца-Бабою), какъ увидимъ ниже, похищаетъ дѣтей, т. е., есть смерть. Самая игра въ жмурки можетъ изображать такое похищеніе.

Роль мыши въ этой игрѣ можетъ быть объяснена такимъ образомъ: Мыши въ Германской Миѳологіи — эльбы, души (Mannh. Germ. Mygth 506, 79). Гольда—царица душъ-эльбовъ. То же предполагаемъ и о Ягѣ, чѣмъ объяснится ея связь съ мышами. Животныя формы душъ, на пр., гусь, лебедь, представляются то благодѣтельными существами, приносящими другія души на этотъ свѣтъ, ангелами хранителями (Mannh. ib. 306), то уносящими эти души на тотъ свѣтъ. Въ нашей игрѣ мышь, какъ посолъ смерти, отождествляется съ самою Ягою (или дѣдомъ), отъ нея заимствуетъ эпитетъ (слѣпая), указывающій на отношеніе къ смерти. Но въ Ск. Аѳ. V, 65, въ жмуркахъ не мышь ловитъ, а напротивъ она, какъ доброе существо, спасаетъ дѣвицу отъ ловящаго. Злая мачиха заставляетъ мужа отвести его родную дочь въ лѣсъ, въ землянку. Дѣвка затопила печку, заварила кашу. Откуда ни возьмись мышка, и говоритъ: «Дѣвица, дѣвица, дай мнѣ ложечку кашки!» Дѣвица ее накормила. Ночью вломился медвѣдь (замѣна Яги, обыкновенно дѣйствующаго лица въ сказкахъ этого разряда): «Ну-ка, дѣвушка, говоритъ, туши огни, давай въ жмурку играть!» Мышка заставила дѣвицу влѣзть подъ печь, а сама, вм. нея, взяла колокольчикъ и стала бѣгать. Гоняется медвѣдь за мышкою — не поймаетъ; сталъ ревѣть да полѣньями бросать, усталъ и молвилъ: «Ма-

[21] Тамъ же III, 246.

стерица ты, дѣвушка, въ жмурку играть! за то пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра.» На другую ночь мачиха шлетъ туда же свою родную дочь. Эта не кормитъ мышки и безъ ея помощи погибаетъ.

б) У Сербовъ дѣти просятъ желѣзнаго зуба не у мыши, или Яги, а у вороны: «Кадъ маломъ дѣтету изваде кой зубъ, воля, да га пребаци преко куте, говорећи:« На ти, врана, коштанъ зубъ, дай ти мени гвозденъ зубъ!» [22] Прежде всего очевидно, что основаніе этого можетъ лежать не въ естественныхъ, а въ миѳическихъ, свойствахъ вороны, и это служитъ намъ подтвержденіемъ того, что не въ однихъ естественныхъ, но и въ миѳическихъ свойствахъ мыши слѣдуетъ искать объясненія тому, по чему она даетъ дѣтямъ зубы. На основаніи замѣны мыши Ягою, мы предполагаемъ, что и ворона даетъ желѣзные зубы, какъ птица, посвященная Ягѣ, или какъ животный образъ этой послѣдней. Яга-Баба сама представлялась зубатою, что видно изъ названія растенія dentania: Бабьи зубья, babí zub, babie zęby (по формѣ корней), и изъ нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ приведемъ здѣсь два: Въ Великороссіи, въ святочныхъ переряживаніяхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Баба Яга-костяная нога (откуда можно заключать, что она появляется между людьми на Рождество); она ѣдетъ въ ступѣ, помеломъ заметаетъ слѣдъ, правитъ костылемъ; зубы имѣетъ черные и открытые, лицо старое и морщиноватое; загадываетъ загадки и сама отгадываетъ. [23] За одно лицо съ Ягою считаемъ Серб. гвоздензубу: «У сріему гвоздензубомъ плаше дѣцу, а особито младе преле, говорећи, да она носи у лонцу жара, и да те спалити прсте онима, кое добро не преду.» [24] Здѣсь напомнимъ, что Гольда представляетея и зубатою, что Берхта имѣетъ особенное отношеніе къ желѣзу: то называется она желѣзною (die Eisenne B.), то отдѣльныя части тѣла у нея желѣзныя: желѣзный носъ, желѣзная грудь (B. mit der eisernen Zitze); [25] обѣ этѣ богини, какъ и гвоздензуба,

---

[22] Карадж. Рѣчн. зубъ.

[23] Терещ. VII, 162.

[24] Карадж. Рѣчн. гвоздензуба.

[25] Mannhardt Germ. Myth. 80.

покровительствуютъ пряденью и наказываютъ лѣнивыхъ пряхъ. Что касается до способа, какимъ наказываетъ гвоздензуба, то онъ, быть можетъ, имѣетъ связь съ предположеннымъ выше, впрочемъ, не яснымъ для насъ, этимологическимъ значеніемъ слова Яга (кор. индh, жечь)

Имѣя указаніе на связь вороны и Яги, мы можемъ заключать отъ миѳическихъ свойствъ первой къ свойствамъ второй. При этомъ замѣтимъ, что извѣстныя миѳическія свойства приписываются обыкновенно не одной породѣ, а нѣсколькимъ, которыя языкъ и народная поэзія находятъ сродными. Это сродство выражается или единствомъ слова при разности значеній (на пр., Скр. hанса, гусь и Фламинго), или тѣмъ, что названіе одной породы употребляется, какъ постоянное приложеніе названія другой (на пр., гуси — лебеди), или наконецъ болѣе развитыми формами, въ родѣ, на пр., той, что дѣвица, выходя замужъ, отстаетъ отъ стада лебединаго и пристаетъ къ стаду сѣрыхъ гусей — молодушекъ. Такимъ образомъ ворона связана съ галкою, сорокою, коршуномъ и кукушкою. Ср. Обл. Великорусск. клу́ша, ворона и галка, клу́ши, пиковая (чорная) масть въ картахъ, галки — то же: постоянное сочетаніе «Сорока-ворона,» Чеш. luňak, обыкновенно коршунъ, соколъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехъ, какъ говоритъ Крольмусъ, значитъ ворóна; кукушка самка въ извѣстныхъ случаяхъ превращается въ хищнаго самца изъ соколиной породы (Чеш. ostříž). [26]

Гольда посылаетъ, или приноситъ, на свѣтъ души дѣтей, кормитъ ихъ кашею, пока они, до рожденія, живутъ у нея, и ухаживаетъ за ними и послѣ рожденія ихъ на свѣтъ, [27] похищаетъ дѣтей, т. е., беретъ ихъ къ себѣ, когда они умираютъ. Все это приписывается и воронѣ и сроднымъ съ нею птицамъ, а слѣдовательно и Ягѣ.

Ворона у Чеховъ, а вѣроятно и у другихъ Славянъ, приноситъ дѣтей: она «ve Boleslavsku šestinedělkám novonarozeňatka ko-

---

[26] Krolmus I, 37 — 38.

[27] Mannhardt, Germ. Myth. 268.

mínem pouští dolu. Baba (повитуха) pod komínem je do klína chytá. V kraji okolo Labe opět luňak (falcus milvo) nosi děti. Na Krkonoších čapi (аисты) chlapce, a vrány holky skrze okna přinášejí. Obecně ale přinos děti v Čechách vraně se přičíta, pročež když se vrána okolo stavení potuluje, to, prý, znamená, že některá panna v tom-to domě se podnese (лишится дѣвства, забеременѣетъ), protož je děvčata pometlem od domu hněvivě odháněji.»[28] «Straka, kukačka a vrána, když priletějí v letě do domovní zahrady, nesou, prý, novinu, že některá panna se v tom-to domě podnese, pročež je dívky ze zahrad koštětem od domu hněvivě vyháněji.»[29] «Když ke koňským chlívům na hnůj sleti straka, hospodařové a jejich koňáci mají z toho radost, nebo se domnívají, že jejich březové (жеребыя) klisny hřebecky mití budou; to jim, prý, straka svým příchodem oznamuje.»[30] Изъ того, что сорока приноситъ дѣтей, могли развиться комическія выраженія: «nie srocém z ogona wypadl,» т. е., i ja nie podłego rodu.[31]

Ворона кормитъ дѣтей кашею. Въ Великой и Малой Руси извѣстна слѣдующая игра. Берутъ ручку дитяти и крутятъ пальцемъ по ладони, приговаривая: «Сорока-ворона дѣтямъ кашку варила (указывая на пальцы), одному дала, другому дала, сёму дала, сёму дала, а сёму не дала, гай, гай, сорока полетѣла!» (При этомъ щекочутъ дитя, заставляя его смѣяться), или: «Сорока-ворона дѣтямъ кашу варила, на порогѣ студила, тому дала, тому дала, тому шейку урвала и полетѣла!»[32] Изъ того, что сорока-ворона урываетъ шейку у дитяти, представляемаго однимъ изъ пальцевъ, видно, что мѣсто дѣйствія въ этой игрѣ не на небѣ, а на землѣ, съ которой ворона похищаетъ дѣтей. Слѣдуетъ прибавить, что въ Чехахъ въ такой же самой игрѣ говорится о мышкѣ, которая варитъ дѣтямъ кашку, или даетъ по кусочку сыра четыремъ, а пя-

---

[28] Krolmus I, 170.

[29] Тамъ же 122.

[30] Тамъ же 124.

[31] Linde, sroka.

[32] Терещ. IV, 5 — 8.

тому наименьшему не даетъ.[33] Такое сходство вороны и мыши врядъ ли можетъ быть случайно.

Что ворона уноситъ дѣтей, видно изъ слѣдующей пѣсни, которую поютъ въ Чехахъ дѣти, завидѣвши летящую ворону («kterouž v kraji luňákem jmenuji»):

«Vrána (v. luňák) letí, nemá dětí,
My je máme, ne prodáme,
Do hrobečka (v. do popele) zakopáme,
Panu Bohu darmo dáme.»[34]

Ворона покупаетъ, т. е., похищаетъ дѣтей на тотъ свѣтъ, но ей не продаютъ ихъ, какъ птицѣ, съ которою связаны языческія вѣрованія, но хоронятъ въ землѣ и даютъ даромъ (Христіянскому) Богу. Въ другой подобной пѣснѣ говорится, по видимому, объ томъ, по чему ворона не несетъ дѣтей на землю: эти дѣти еще въ горномъ лѣсу (лѣсъ — облака), ѣдятъ тамъ кашу изъ ягодъ:

«Vráná letí, nemá dětí.
Kde je mají?» — «V černém lese.»
Co jim vaří» — «Z jahod kaši....»[35]

Въ приведенной выше пѣсни luňák, какъ говорятъ, принимается за ворону, но собственно это коршунъ, Русск. лунь, Серб. луня. И на этого коршуна дѣти кричатъ такъ, какъ на ворону (Luňák letí и пр.), и это подтверждаетъ высказанное нами въ другомъ мѣстѣ предположеніе, что игра въ коршуна[36] и такая же Мр. въ ворона,[37] имѣютъ одинаковое миѳическое значеніе съ игрою въ жмурки: коршунъ, или воронъ, похищающій дѣтей, есть одно лицо съ слѣпою бабою, или дѣдомъ, похищеніе дѣтей — ихъ смерть. Въ Чехахъ эта игра (na jestřába) принадлежитъ къ осеннимъ

---

[33] Erben, Česk. písn. 3.

[34] Krolmus I, 121; Erb. česk. písn. 77.

[35] Erb. Česk. písn. 77.

[36] Терещ. IV, 94 — 96.

[37] О нѣкотор. симв. 54 — 56.

(подзимнимъ), и это, можетъ быть, имѣетъ тотъ смыслъ, что ястребъ есть не только людская смерть, но и смерть всей природы. Дѣйствующія лица, кромѣ ястреба, насѣдка и цыплята, тогда какъ въ Малорусск. игрѣ — воронъ, матка, дѣти, изъ которыхъ послѣднее — красна паня. Начало Чешской игры почти такое же, какъ въ Мр.: ястребъ копаетъ ямку, раскладываетъ огонь, грѣетъ воду, чтобъ цыплятъ парить,[38] а въ Малор. — чтобъ дѣтямъ очи заливать. Это заливанье очей, т. е., ослѣпленье, можетъ значить то же, что слѣпота Бабы въ жмуркахъ: ослѣпленныя дѣти дѣлаются достояніемъ смерти. Въ Малор. игрѣ, кого матка успѣетъ разсмѣшить изъ дѣтей, пойманныхъ ворономъ, тотъ принадлежитъ ей, а которое не смѣется, то ворону. Отсутствіе смѣха мы и прежде принимали за признакъ пребыванія въ царствѣ смерти, на основаніи сродства смѣха со свѣтомъ и жизнью. Въ подтвержденіе этого можемъ теперь сослаться на то, что души, пребывающія у Гольды, не должны смѣяться.[39]

Гольда и Берхта прядутъ; нѣтъ сомнѣнія, что и соотвѣтствующая имъ Славянская богиня тоже прядетъ, и этимъ объясняется, по чему пряденье приписывается и сорокѣ, воронѣ, коршуну: сорочья пряха, растеніе изъ рода подмаренниковъ, gulium uliginosum, Польск kania przędza, повилица, чужеядное растеніе на льнѣ, крапивѣ.[40] Въ сказкѣ дѣвица, которую мать послала пасти

---

[38] Erb. Čes. písn 88.

[39] Mannh. Germ. Myth. 309. Если въ слѣдующемъ извѣстіи, принадлежащемъ Вуйцицкому, нѣтъ прикрасъ, искажающихъ смыслъ, въ чемъ мы вовсе не увѣрены, то оно очень интересно: каня (коршунъ), дѣтская смерть, сохраняетъ отъ своей животной формы только имя, а въ прочемъ является дѣвицею необыкновенной красоты: «kania jest to dziewica nadzwyczajnie pięknej i ujmującej postaci. Przybywa ona otoczona obłokiem (ср отношеніе Гольды къ облаку) od wsi do wsi pod wieczór, i tam samotnie spotkane dzieci rożnemi sposobami i łakotkami (какъ въ Рус. сказ. Яга яблокомъ) stara się do siebie przywabić, tak iż lgną do niej jak do matki. Ująwszy je zaś, odziewa się gąstym obłokiem, i uniesiona na niem, ulatuje na dzikie lasy i stepy, zkąd porwane dzieci nigdy już nie wracają. Lud gminny z tej powieści tłomaczy sobie to przysłowie, które dzieciom na przestrogę używa: «Dzieci! kania leci.»

[40] И въ названіи другаго растенія kania чередуется съ wrona: пом. kania stopa, wronia stopa, wronia noga, plantago coronopus.

корову и прясть, зоветъ себѣ на помочь сорокъ-воронъ: «Сороки-вороны летѣть до мене кужелю прясти! То сороки й вороны понизлѣтуются й поросхапують кужель, да й порозносять на гнѣзда»[41]

Въ заключеніе приводимъ два слѣдующія, какъ кажется, весьма важныя свидѣтельства. Въ одной Малорусск. пѣснѣ галка названа ключницею:

Ой галко, галко, золотая клюшнице.[42]

Какъ это понимать, видно изъ слѣдующаго: «Колись було таке времъя, що усѣ звѣри й птиці говорили чоловѣчимъ языкомъ. Ключи одъ вырея були тогди у вороны, да вона прогнѣвила якось Бога, дакъ теперъ ключи одъ вырея вже въ сои.»[43] Вырей есть, какъ извѣстно, страна вѣчнаго лѣта, куда птицы улетаютъ на зиму. Возвращаясь оттуда на провеснѣ, птицы тоскуютъ, если не найдутъ на землѣ тепла:

Зажурытця соколонько:
«Бѣдна жъ моя головонько,
Що я рано зъ выръя выйшовъ,
Що по горахъ снѣга лежять,
По долинахъ воды стоять,
(а только) По подгорою маки цвѣтуть.

Но эти маки только обманъ зрѣнія; это краснѣютъ Козацкія шапки:

«Битымъ шляхомъ Козаки йдуть.»

Зажурилась перепелочка:
«Бѣдна моя ты головочка,
Що я рано зъ вырею вылетѣла!»
Озоветця соловеечко:
«Не журися, перепелочко!
Єсть у мене три сады зелени:
Що въ первому та гнѣздо зовьемъ,
А въ другому дѣтокъ наведемъ,
А въ третёму дѣтокъ погодуємъ.»[44]

---

[41] З. о Ю. Р. II, 23.

[42] Терещ. IV, 315.

[43] З. о Ю. Р. II, 36.

[44] Метл. 201.

Изъ повѣрья, что ластовки осенью опускаются въ колодцы и тамъ, сцѣпившись ножками, пережидаютъ морозъ, слѣдуетъ, что вырей представлялся также колодцемъ, съ чѣмъ сравнить вышеупомянутое такое же представленіе тучи и царства Гольды. Сравненіе это подтверждается тѣмъ, что вырей есть, по всѣмъ вѣроятностямъ, вмѣстѣ и царство мертвыхъ. На посадѣ въ субботу поютъ сиротѣ:

Пóшлю сокола да повыще нéба,
Менѣ батенька треба;
Чорну галочку на Вкраиночку
По свою родиночку.
Ни́ сокола зъ саду, ни́ батенька зъ раю,
Ни́ родины зъ Украины.» [45]

Шлю соловейка маленького
По свого батенька рóдненького. [46]

Пóшлю ворону въ чужу сторону
По свою родиноньку,
Пóшлю зозулю въ сиру́ю зе́млю
По свого батейка.
Ворона летитъ, вѣсти приноситъ:
«Буде ту родинойка.»
Зозуля летитъ, вѣсти приноситъ:
«Не буде ту твóй батейко.» [47]

Въ причитаньи надъ могилою матери: «Коли буде зозуля ковати, я буду ѣи питати: чи не бачила моеи неньки рóдненькои? Скажи жъ ѣй, зозуленько, якъ менѣ тошно, якъ менѣ гóрко безъ неньки жити.» [48]

Птицы, значитъ, бываютъ въ жилищѣ душъ, которое въ одной пѣснѣ, названо садомъ и раемъ, а въ другой отождествлено

---

[45] Метл. 150.

[46] Тамъ же. 251.

[47] Pauli. P. L. Rus. I, 76.

[48] Метл. 932.

съ могилою — несообразность, не больше той, что снѣгъ идетъ на землю изъ подземнаго колодца. Сирота посылаетъ сокола на тотъ свѣтъ къ отцу повыще неба. Мнимая странность этого выраженія устраняется тѣмъ, что небо, какъ νέφος, nubes, принимается въ смыслѣ облачнаго покрова, и что жилище душъ (въ Сканд. Миѳологіи гимилль, жилище свѣтлыхъ альфовъ, Engelland Германскихъ повѣрій), [49] находилось выше жилищъ свѣтлыхъ Боговъ. Въ Нѣмецкихъ дѣтскихъ пѣсняхъ Engelland, страна, куда улетаютъ птицы, гдѣ живутъ души, откуда приносятся на землю зародыши всякой жизни (души дѣтей, яйца, сѣмена растеній), эта страна, соотвѣтствующая Вырью и острову Буяну, весьма часто называется замкнутою ключемъ. Не останавливаясь на томъ, какъ понимается эта замкнутость въ Германской Миѳологіи, возвращаемся къ приведенному выше извѣстію, что ключи отъ вырья были нѣкогда у вороны. То, что ворона потеряла эти ключи, прогнѣвивши Бога, мы считаемъ за позднѣйшее объясненіе, которое понадобилось, когда стала непонятна дѣйствительная причина потери ключей. А какова эта причина и что значитъ потеря ключей, видно, если не ошибаемся, изъ слѣдующаго.

Взявши во вниманіе отношеніе вороны къ смерти, которое подтверждается Нѣмецкимъ обычаемъ въ началѣ лѣта ходить по домамъ съ мертвою вороною — образомъ, какъ полагаетъ Гриммъ, побѣжденной зимы, [50] сближаемъ ворону-ключницу со Смертью, Мареною, которая въ Чешскихъ и Моравскихъ пѣсняхъ тоже называется ключницею. На Моравѣ, на Смертной Недѣлѣ (5-й нед. Велик. Поста), когда выносятъ соломенное чучело въ

---

[49] Mannh. Germ. Myth. 123 и слѣд.

[50] Grimm. Reinh. Fuchs. CCXIX. Сюда же, вѣроятно, относится Кашебскій обрядъ scinianie kani, казнь коршуна, совершаемый торжественно на 3 недѣли до Иванова дня. Вырываютъ яму, вбиваютъ въ нее колъ, на который сажаютъ коршуна. «Kat» (палачъ) рубитъ коршуну голову. Потомъ птицу хоронятъ въ яму, а колъ бросаютъ въ воду, или куда ни будь въ глухое мѣсто въ лѣсу. (Этн. Сб. V, Гильферд. Остатки Слав). Это похоже на сожиганье и выносъ Смерти.

бѣломъ платьѣ, называемое Smrt, Smrtnica, Smrtholka, Marena, Mořena и пр., поютъ:

Smrtna neděla (или: Smrtničko, Lidičko)
Kams klíče poděla? —
Dala sem je, dala
Svatému Jiří.
Svatý Jiří vstává,
Zem odemykává,
Aby tráva růstla...

Smrtolenko, smrtolo,
Kams klíče děla? —
Dala sem jich, dala
Svatemu Janu,
Aby otevřil
Do nebe bránu.
Dala sem jich, dala
Svatému Jiří,
Aby otevřel
Do nebe dveří,
Všelijaké kvítí
Kde on ráčil jíti.
Kličnice z nebe,
My prosíme tebe,
Až budem žíti,
Otevři nám nebe!
Jedny vrata otevři,
Druhe mečem podepři.... [51]

Изъ этого видно: а) Смерть и Марена теряетъ ключи, по тому, что должна передать ихъ весеннимъ Святымъ Юрью (23 Апрѣля) и Ивану, [52] по чему она умираетъ передъ лѣтомъ, что, очевидно изъ обычая топить, сожигать, побивать каменьемъ, или хоронить въ землѣ Марену. [53] Ключъ, какъ символъ власти надъ чѣмъ

---

[51] Sušil, Mor. nár. písn. 678 и сл.

[52] 16 Мая—Sv. Jana Nepomuckého, или, что вѣроятнѣе, 24 Іюня Ив. Крест.

[53] Пѣсни прямо говорятъ о смерти Марены:

либо, на примѣръ, надъ сердцемъ, надъ ночью, днемъ, встрѣтили мы въ Моравскихъ, Словацкихъ и Русской пѣснѣ. Въ послѣдней сирота говоритъ, что она бы взяла у зори ключи и доточила бы ночи, чтобъ продлить бесѣду съ умершей матерью. [54] По этому и потерю ключей Мареною понимаемъ, какъ потерю власти надъ природою. [55] б) Весенніе Святые, получивши ключи,

---

Mařena, Mařena,
Pro kohos umřela?» или
Nesem babu v koši (т. е. Марену).
Smrť nas o ňu prosi,
Už Mařena leží,
A zubami skeří. (Sušil. Mor. písn.).

[54] О нѣкотор. симв. въ Слав. нар. поэзіи.

[55] Въ Чешской дѣтской игрѣ ключъ отъ неба имѣетъ нѣсколько другое значеніе: «Paní Růžová» садится на землѣ, у нея между колѣнъ — другая, у этой третья и т. д. Одна дѣвочка (chodačka) подходитъ къ послѣдней изъ сидящихъ и спрашиваетъ: «Kde je paní Růžová?»—«Vedle» и т. д., пока не прійдетъ «k Paní Růžové», которая отвѣчаетъ: «Co jí chceš? já jsem.» Chod. Chci zlatý klíč od nebe.» Růž. «Upadly mi klíče do studně, vytáhni si jeden!» Chod. «Který si mám vytáhnout?» Růž «Ten krajní». Chod. «Zač ho mám vzít?» Růž. «Za ruku» (или за что ни будь другое, за волоса, за ногу). Тогда ходачка беретъ дитя такъ, какъ сказала Пани Ружова, водитъ его вокругъ и говоритъ:

Vedu, vedu andělíčka
Do božího kostelíčka:
Andělíčku klekni,
Ruce, nohy sepni,
Mě zubů ne okaž!

За тѣмъ ангелъ становился на колѣни передъ «Paní Růžovou», которая начинаетъ его распрашивать: «Kudy jsi šla?»—«Skrz uličku.»—«Koho's potkala?»—Starou babičku» и т. д. Ходачка подсказываетъ ангелу смѣшные отвѣты. Если онъ не засмѣется, Пани Ружова спрашиваетъ его: «Komu se dáš?—«Sluníčku, neb Měsíčku?» Если ангелъ выберетъ солнце, то остается на сторонѣ Пани Ружовой, а если мѣсяцъ, то переходитъ къ ходачкѣ (Erb. Pís. 68). На основаніи другихъ разнословій (см. тамъ же), предполагаемъ, что самый смѣхъ, или серіозность, ангела рѣшали, оставаться ли ему ангеломъ у Пани Ружовой, или же ити съ ходачкою. Ни сколько не сомнѣваясь, что есть, или были, такія же самыя Славянскія игры, мы думаемъ, что вышеприведенная редакція—Нѣмецкая. Paní Růžová есть переводъ Нѣмецкаго Frau Rose,

отмыкаютъ ими землю, въ слѣдствіе чего начинаетъ расти трава и цвѣты, и небо.

Отмыканье неба значитъ освобожденіе неба отъ тучъ, скрывающихъ солнце, какъ видно изъ просьбы отомкнуть небо во время жатвы. в) Эта просьба обращена ко ключницѣ; но выше, въ той же пѣснѣ, сказано, что смерть потеряла ключи: слѣдовательно, эта ключница не есть смерть. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что Гольда во всякое время отворяетъ небесныя двери и выпускаетъ солнце (см. Mannh. Germ. M. 379 и слѣд.), и что Гольда есть одно лицо съ нашею смертью, по чему тож-

---

одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣтской игрѣ, подробно разобранной Маннгартомъ (Germ. Myth. 273 и слѣд). Rose, по Маннгарту, предполагаетъ древнюю форму Hrôdsa, Hrôsa, которая имѣетъ при себѣ муж. Hrôdso, Rods, эпитетъ Водана (собст. славный). Опуская доказательства, приводимыя Маннгартомъ, скажемъ только, что, по его изслѣдованіямъ, смыслъ того разряда игоръ, къ которому относится вышепреведенная Чешская, состоитъ въ слѣдующемъ: Frau Rose (Paní Růžová) (иначе Гольда, Перахта, Frau Gode, Frau Sonne, Фрея) сидитъ на небѣ, окруженная нерожденными душами, которыя въ разныхъ разночтеніяхъ представляются то ангелами, то барашками, или цыплятами, то цвѣтами. Мать (chodaćka) проситъ, и получаетъ, въ даръ, или покупаетъ у богини, этѣ души. Изъ этѣхъ душъ нѣкоторыя, тѣ, которыя смѣются, остаются, въ живыхъ по рожденіи, т. е., достаются матери, тѣ же, которыя не смѣются, умираютъ, т. е., возвращаются къ богинѣ. Въ приведенной вышѣ Чешской игрѣ ходачка, т. е., мать, проситъ у богини золотаго ключа отъ неба, вытягиваетъ этотъ ключъ изъ колодца; за тѣмъ ключъ оказывается ангеломъ, т. е., райскою, не рожденною еще, душою. Ключъ нуженъ матери, чтобы выпустить душу на свѣтъ. Богиня, посылая душу на свѣтъ, нѣкоторымъ образомъ уступаетъ власть надъ нею той, отъ которой душѣ суждено родиться; но такъ какъ власть представлялась ключомъ, то передачу души игра отождествляетъ съ передачею ключа. Въ соотвѣтствующемъ нашему разночтеніи изъ приводимыхъ Маннгартомъ, отношеніе ключей къ душамъ тоже не объяснено. Мать спрашиваетъ у Фрау-Розы: «Wo hast du des Herren Schlüssel nadon (hingethan)?» — «Auf den Ofen.» M. Er liegt nimme auffem Ofe. R. Na da ist er verschmolze. M. Wart nur, das sag ich dem Herre. R. Jch gib dir C. Butterbrod. M. J tu's nit. R. J gib dir e viertel Himmelreich. M. J tu's nit. R. J gib dir das halbe Himmelreich. M. J tu's nit. R. J gib dir das ganz Himmelreich und all' meine Kleider. Тогда мать соглашается не говорить «dem Herre» (Богу?) и забираетъ у Розы всѣхъ дѣтей. Ясно только, что потеря Розою ключей есть условіе полученія дѣтей матерью (см. Germ. Mith. 275).

дественна съ Ягою. Смерть, какъ Гольда, покровительствуетъ пряденью, судя по слѣдующему. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Моравіи Смерть-Марену выносятъ и закапываютъ въ землю именно přístevnice, т. е., тѣ дѣвицы, которыя зимою ходили на спрядки (на přístvu). [56] Въ другихъ мѣстахъ въ концѣ супрядокъ (přístek) дѣвицы паряжаютъ соломенное чучело въ женское платье, даютъ ему въ руки мотовило, веретено, пряслицу съ куделью, по томъ выносятъ и вѣшаютъ на деревѣ. Это чучело называетзя Přadlenka или Kyselka (постное кушанье), [57] и есть не что иное, какъ Смерть, по чему и эта называется Kyselica:

Smrť, Smrť ukrutná,
Kyselico nechutná,
Kyselicu zíme,
A Smrť utopíme. [58]

Отсюда вѣроятно, что ключница, отворяющая ворота во время жатвы, можетъ быть та же Марена, но въ другой формѣ. Рядомъ съ пѣснями, говорящими о смерти Марены, встрѣчаемъ одну, въ которой говорится, что Смерть, наѣвшись, не будетъ уже давить людей, т. е., перемѣнитъ свойства:

Naša Smrť je bledá,
Ona by jedla;
Až ona se nají,
Už nás ne udáví. [59]

Моравская пѣсня проситъ небесную ключницу отворить одни ворота и подпереть мечемъ [60] другія. Съ этимъ сравнить слѣдующее. Въ царствѣ миѳическаго лица, котораго нельзя не признать за тождественное съ Гольдою-Перахтою, есть двое воротъ: одни

---

[56] Mor. nár. písn. 771.

[57] Mor. nár. písn. 767.

[58] Тамъ же 771.

[59] Тамъ же 769.

[60] Въ сказкахъ, на пр., въ приводимой ниже, Skult. a Dobš. Slov. pov. III, говорится, что у Яги есть мечъ.

золотыя, имѣвшія то свойство, что кто проходитъ черезъ нихъ, тотъ весь покрывается золотомъ, другія—черныя, въ которыхъ проходящій обдается смолою. Золото есть солнечный свѣтъ, слѣвательно, золотыя ворота—та щель въ тучѣ, въ которую свѣтитъ солнце, а смоляныя—самая темная, дождевая туча.

9. Якову Гримму такъ мало извѣстно о миѳическихъ отношеніяхъ лисы, главнаго лица въ Средневѣковомъ Германскомъ эпосѣ, что онъ готовъ сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній. [61] Изъ слѣдующаго, кажется, ясно, что мы не имѣемъ основанія жаловаться на скудость миѳическихъ данныхъ о лисѣ, и что Славянская народная поэзія въ этомъ отношеніи стоитъ на болѣе древней точкѣ развитія, чѣмъ Германская.

а) Приведеннымъ выше свидѣтельствамъ о томъ, что мышь, ворона и Яга Баба даютъ дѣтямъ желѣзные зубы, соотвѣтствуетъ такое же Чешское повѣрье о лисицѣ: «Když se nemluvňátku první zyb mléčný hejba a vypadnout mine, matka ho dítěti svému sama vytáhne... a hodí jej pod širým nebem nazpátek přes hlavu, řkouc: «Tu máš, liško, koštěnéj, dej mi za něj železnéj!» [62] Очевидно, что, какъ и предполагаетъ Крольмусъ, лисица здѣсь тождественна съ Бабою.

б) Какъ сорока-ворона, такъ и лисица, приноситъ на этотъ свѣтъ дѣтей: «Na Plzensku a některých poněmčilých dědinách českých (вѣроятно, однако, не въ слѣдствіе вліянія Нѣмцевъ, по тому что имъ самимъ это неизвѣстно).. o lišce se povĕst' trousi, že ne jen vrána, alebrž i liška ženám zrozeňátka uděluje a do domu přináší, jakož, prý, i Panence Marii Ježíška přinesla.»

в) Какъ мышь, сорока-ворона и Гольда кормятъ дѣтей кашею, такъ лисица даритъ имъ бублики: «První neděli postní (Великаго Поста) na Hořovicku v Berounsku, na Křivokládsku v Rakovnicku a j. v. lide slovou neděli lišci. Hospodině pekou jednou v roce v noci na první neděli postní precliky (бублики съ солью и макомъ),

---

[61] Ср., однако, Grimm, Myth. 634.

[62] Sumlork II, 5.

aby děti ne vědělу. Na to každá matka, kolik děti má, tolik proutků vrbových sobě zaopatří, a na každy proutek několik preclíků navlekne a na stromy do zahrady je zavěsi, a před slunce východem děti své zbudí, vypravujíc jim: «Mile děti, běžela tudy liška, a nechala vám zde (v. ztratila) precliky na zahradě na stromě» и пр. [63] Отношеніе лисицы къ дѣтямъ и къ началу Великаго Поста даетъ считать ее за животный образъ той Бабы, которая въ разныхъ Славянскихъ земляхъ появляется въ это самое время подъ разными именами и которую, по нѣкоторымъ примѣтамъ, принимаемъ за Ягу. Объ этой Бабѣ знаемъ слѣдующее:

аа) Баба Ко̀ризма. «У Рисну, на чисти понедѣльникъ (на первой недѣлѣ Великаго Поста) обуче се какавъ момакъ у женске халине и начини се као Дѣдова баба (см. ниже), па посети на рамену седамъ штапова и за собомъ вукути комострe (вериге), иде по вароши (городу) и скаче испредо кутя и виче: «Бу! Бу! Бу!» и ово се зове Баба Коризма, коёмъ жене плаше дѣцу, да не иште мрсна ѣла (чтобъ не просили скоромнаго), говорети имъ, и послѣ онога дана, кадъ би кое заискало мрса: «Ено Бабе Коризме са штаповими подъ тиглами (на тавану, на горищѣ)!» Седамъ штапова Бабе Коризме значе седамъ недѣля часного поста, за то, кадъ една недѣля проде, говори се дѣци: «Бацила Баба Коризма еданъ штапъ,» или: «Испаде Баби зубъ.» Тако и кадъ проде друга недѣля и т. д. Бабомъ коризмомъ плаше и мале преле и пле-

---

[63] Тамъ же I, 170; II, 4. Особенное отношеніе лисы къ дѣтямъ видно и въ слѣдующей сказкѣ: «Была у старика со старухой внучка Снѣгурушка. Пошла она съ подружками въ лѣсъ по ягоды, отстала отъ нихъ и заблудилась. Когда стемнѣло, взлѣзла она на дерево и стала горько плакать, припѣваючи... Идетъ медвѣдь: «Сойди, говоритъ, я тебя отнесу.»—«Нѣтъ, я тебя боюсь, ты меня съѣшь. Такъ и съ волкомъ.» Идетъ лисица, спрашиваетъ: «Чего ты, Снѣгурушка, плачешь?»—«Какъ мнѣ, лисинька, не плакать» и пр —«Сойди, я тебя отнесу.» Снѣгурушка сошла, сѣла на спину къ лисицѣ, и та принесла ее домой. Въ награду лиса проситъ курицы. Старики обманываютъ ее, посадивши въ одинъ мѣшокъ курицу а въ другой собаку, которую и выпускаютъ на лису (Аѳ. VI, 29). Послѣдняя черта взята, кажется, изъ другой сказки. Отношеніе лисы къ Снѣгурушкѣ такое же, какъ въ Сказкѣ объ Иванѣ и вѣдьмѣ гуся-лебедя къ Ивасю. Ср. Снѣгурушка и Баба-Яга, Худякова Великорусск. Сказки III, 87.

тиле, као у Земуну Гвоздензубомъ». [64] Сверхъ того Коризма зубата, какъ и Гвондензуба. Коризма въ томъ, что смотритъ за соблюденіемъ поста, сходна съ другимъ дѣтскимъ пугаломъ, Бабою Ругою: «У Паштровичима (между моремъ и Черною Горою) нѣмъ (Бабомъ Ругомъ) плашу дѣцу, кадъ често ишту круха: «Не мой искати круха, убите те Баба Руга». [65] Относительно имени Руга ср. Срб. ружанъ, безобразенъ. Руга убиваетъ дѣтей, и это подтверждаетъ предполагаемое нами тождество ея и Коризмы со смертью. Что до имени Коризмы, то оно образовано изъ Quadragesima. Ср. Итал. Befana (черная и безобразная, но приносящая подарки, фея, чучело коей, сдѣланное изъ тряпокъ, дѣти и женщины ставятъ въ окнахъ на Крещенье) изъ Epiphania, Богоявленіе. [66] Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, случаѣ въ новое, Христіянское, слово влагаетъ народъ языческое содержаніе.

бб) Въ Риснѣ и Бокѣ Которской, на «бієле покладе (въ Воскресенье передъ Великимъ Постомъ) обуку се неколико момака у кожне халине, извернувши длаку на полѣ (въ вывороченные тулупы), наките се различніемъ реповима и дроньцима (хвостами и тряпками) и обѣсе низа се звона; еднога обуку у женске халине и даду му у наруче како повієно дієте; ови се момци зову Дѣдови, а онай, у женскіемъ халинама — Дѣдова Баба. Они иду по вароши читавъ онай данъ, скачути, грлети бабу и любети ню и дієте, и тако збіяюти смієхъ; за нима пристане сила дѣце, коя вичу: «Бу, Дѣде! Бу, Баба!» [67] Замѣтимъ, что хотя спутниковъ бабы, называемыхъ дѣдами, нѣсколько, но говорится только объ одномъ дѣдѣ. Дѣдъ и Баба есть здѣсь такое же раздвоеніе первоначально единаго миѳическаго лица, какъ то, которое мы нашли въ игрѣ въ Цюцю-Бабу. О древности этого раздвоенія говоритъ то, что и въ Бѣлой Руси первая недѣля Великаго Поста называется Дзѣдова; но что Дѣдъ есть здѣсь лицо второстепенное, — видно изъ того, что въ соотвѣтствующемъ Хорватскомъ обычаѣ упоминается только одна Баба.

---

[64] Карадж. Рѣчн.

[65] Тамъ же Баба Руга.

[66] Gr. Myth. 260.

[67] Карадж. Рѣчн. Дѣдова.

вв) Въ Славоніи и Хорватской землѣ въ «Poklade» (въ Заговѣнье передъ Великимъ Постомъ) Pokladnja baba na sledeći način se pravi. Zenska se rubina puna natèrpa sa slamom, tako da kakvu-takvu ćovećansku sliku imade. Na mèsto glave metne se tikva, oči i zubak izdubu, i tako inim ostarjelim ženskim odjelom zaodije. Kroz sredinu se postavi odebelo dèrvo, da se ne previje, koje skupa i noge predstavlja. Ono se dèrvo turi u glavčinu od kolesa, ili se onako priveže. U glavčinu se — jer je koleso izvalito — postavi ozdol dèrvo, okolo koga se sad na jednu, sad na drugu, stranu koleso okreće. Nuz to dèrvo pripreže se najmèršaviji, koji se u selu dobiti more, konj. Da još smješnija bude baba (?), daju joj u ruku barnjaču (большую кухонную ложку), a okolo nèkoliko dèce napravo.... Jedan (изъ возящихъ) jaši vozeć konja i puši u rog, drugi ga vodi, a dva ali tri kandžiami ga tèraju, dočim, na mjesto konja, pokladnju babu šibaju. Ovako dakle zaodjeveni — jer su i nje dovojanici što opašnije i pospèrdlivije obućeni — hodaju kroz selo. Na čistu sredu (на 1-й недѣли Великаго Поста) u jutru voze ju izvan sela i zakopuju medju oplakivanjem i jadikovanjem. Kad se od ukopa kući povarnu, zapale fenjer, ako je i dan, te u svaki budžak (уголъ) zagledujuć, traže pokladah (ищутъ масляницы).» [68] Такимъ образомъ Масляница представлялась зубатою бабою, окруженною дѣтьми, что указываетъ на ея тождество съ Ягою. Закапыванье покладней Бабы ведетъ насъ къ ея отождествленію съ Мареною, которая тоже закапывается. Подтвержденіемъ того, что и Сербская Дѣдова Баба есть Марена, служитъ то, что у Словаковъ на Смертную Недѣлю (Середопостную) выносятъ не только Мурену, но и Дѣдка, который тоже олицетворяетъ зиму и смерть. Объ этомъ послѣднемъ поютъ:

Dedko naš, Dedko,
Požrau si nám všetko,
Nič si nám ne nechau,
Tak si sa dobre mau. [69]

гг) Въ Костромской Губерніи, въ послѣдній день Масляницы, въ Воскресенье, составляется изъ наряженныхъ мущинъ, съ со-

---

[68] Ilić 116 — 117.

[69] Kollar, Zpievanky I, 4.

ломенными колпаками на головѣ, верховая поѣздка, называемая обозъ. Вечеромъ за городомъ колпаки сожигаются. Это значитъ сожигать Масляницу.... По деревнямъ вечеромъ мущины и женщины, взявъ со своего двора по пуку соломы, складываютъ ее вмѣстѣ и зажигаютъ, что́ называется сожечь соломянаго мужика.» [70] «Въ Саратовской Губерніи, Хвалынскаго Уѣзда, Масляная начинается съ Пятницы. Возвращаясь съ обычнаго въ этотъ день гулянья на рынкѣ, везутъ съ собою Масляницу (деревяный истуканъ), которую сажаютъ на передовой лошади и поютъ веселыя пѣсни. Оставшіеся въ домахъ встрѣчаютъ Масляницу и кланяются ей. Истуканъ ставится посреди улицы.... Ввечеру въ Воскресенье.... наряжаютъ Старика въ чорное рубище и, навязавъ на веревочку осколковъ битой посуды, подаютъ ему въ руки; за нимъ несутъ Масляницу на носилкахъ. Толпы людей провожаютъ истуканъ до другого конца деревни. Тамъ бросаютъ его до будущаго года.» [71] «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи было прежде въ обыкновеніи носить по улицамъ чучело; толпа дѣтей сопровождала его съ крикомъ и бросала въ него снѣжные комки. Въ другихъ мѣстахъ возили на саняхъ Масляницу — деревянное изображеніе женщины съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ, и потомъ бросали въ воду, или сожигали за городомъ.» [72] Такимъ образомъ въ Русскихъ Масляничныхъ обрядахъ, соотвѣтствующихъ вышеприведеннымъ Сербо-Хорватскимъ и топленью, или сожиганью, смерти, является то одна баба («Госпожа Масляница»), то дѣдъ и баба, то одинъ соломяный мужикъ.

г) Мы допускаемъ, что Гвоздензуба, Баба Руга, Баба Коризма, Дѣдова Баба, Покладня Баба и Масляница — первоначально одно лицо, при томъ тождественное съ Мареною; нужно будетъ принять и миѳическое тождество Марены съ Лисою и Ягою. Что Лиса есть смерть — это доказываетъ Гольштейнскій обычай: въ началѣ лѣта мальчики ходятъ изъ дому въ домъ съ мертвою Лисою въ корзинѣ. Гриммъ видитъ въ этомъ образъ побѣжден-

---

[70] Терещ. VII, 331.

[71] Тамъ же 332 — 333.

[72] Тамъ же 443.

ной зимы, т. е., смерти. [73] Другимъ прямымъ доказательствомъ тождества Лисы и Яги и отношенія той и другой къ смерти служитъ рядъ сказокъ одного основнаго типа, постепенно переходящихъ отъ полнаго зооморфизма къ полному антропоморфизму, и въ этомъ переходѣ замѣняющихъ Лису, похищающую Пѣтуха, Ягою, похищающею ребенка. Сказки эти дѣлимъ на три разряда: 1) животный, 2) полуживотный и 3) человѣческій; сказки каждаго разряда, для легкости обзора, — на двѣ половины.

1. Разрядъ животный. Лиса уноситъ пѣтуха. Варіянты: А (Аѳан. II, 3), Б (тамъ же IV, 19), В (тамъ же 23), Г (тамъ же 22, примѣчаніе).

Первая половина. Вар. А. Жилъ котъ съ кочеткомъ. Котъ идетъ за лыками въ лѣсъ и даетъ кочетку: «Если лиса придетъ звать въ гости и станетъ кликать, не высовывай ей головочку, а то унесетъ тебя.» Пришла лиса звать въ гости, стала плакать: «Кочетунюшка, кочетунюшка! пойдемъ на гуменцы золоты яблочки катать!» Онъ глянулъ, она его и унесла. Вотъ онъ и сталъ кликать: «Котинька, котинька! несетъ меня лиса за крутыя горы, за быстрыя воды.» Котъ услыхалъ, пришелъ и выручилъ кочетка. Такъ случилось и въ другой разъ. Въ третій разъ котъ былъ далеко и не слышалъ.

Вар. Б. Жилъ былъ старикъ, у него были котъ да пѣтухъ. Старикъ ушелъ въ лѣсъ на работу, котъ понесъ ему ѣсть, а пѣтуха оставили стеречь домъ. На ту пору пришла лиса и стала пѣть подъ окномъ:

«Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ,
Выгляни въ окошко,
Дамъ тебѣ горошку!» Или:
«Дамъ тебѣ кашки
На красной ложкѣ.»

---

[73] Grimm, Reinhart Fuchs, CCXIX. Выше мы привели оттуда же, что, вмѣсто лисицы, носятъ и мертвую ворону. Это подтверждаетъ принятое нами равенство миѳическаго значенія вороны и лисы. Замѣчательно, что одинъ изъ двухъ шакаловъ, замѣняющихъ въ Индійскомъ животномъ эпосѣ нашу лису, называется каратака, что значитъ ворона (тамъ же CCLXXV).

Пѣтухъ выглянулъ въ окошко, лиса схватила его и понесла; но котъ услышалъ голосъ пѣтуха, пришелъ и отбилъ. Такъ было и во второй разъ, но въ третій котъ былъ далеко и не слышалъ.

Вар. В. Жилъ былъ котъ да баранъ, у нихъ былъ пѣтушокъ и т. д., какъ въ А и Б.

Вторая половина. Вар. Б. оканчивается счастливо для лисы: унесла пѣтуха и за ельничкомъ съѣла, только хвостъ да перья вѣтромъ разнесло. Содержаніе второй половины А, В и Г есть спасеніе пѣтуха. Вар. Г. Котъ, не нашедши дома пѣтуха, нарядился гусляромъ, пришелъ къ лисицыной избѣ и поетъ: «Стрень-брень гусельки, золотыя струнушки! Дома ли Лисафья со своими дѣтками? Одинъ сынъ Терентьюшко, другой Мелентьюшко, третій Алёша-парнечекъ, одна дочь Чучелка, другая Пачучелка, третья Подмети-шестокъ, четвертая Подай-челнокъ!» Лиса посылаетъ дѣтей посмотрѣть, кто тамъ поетъ, а котъ всѣхъ ихъ зарубилъ саблею. Дѣти не йдутъ въ избу, вотъ лиса и говоритъ пѣтушку: Поди, позови ихъ!» Вышелъ пѣтушокъ, котъ приказалъ ему бѣжать домой, а самъ идетъ къ лисѣ и поетъ:

«Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А палочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить.»

Какъ хватитъ лису саблею — изъ нея и духъ вонъ.

Вар. В. Котъ и баранъ пришли къ лисѣ подъ окошко и стали играть (т. е., славить, какъ, на примѣръ, славятъ хозяина на Святкахъ; сравн. выраженіе предыдущаго вар.: «дома ли Лисафья и пр.» съ началомъ колядки: «Чи дома, дома Панъ Господарь?»): «Тюкъ, тюкъ гусельцы, барановы струночки! Жила-была лиса красна во своемъ золотомъ гнѣздѣ; у нея было семь дочерей: первая дочь Чучелка» и т. д. Лиса высылаетъ поодиночкѣ дочерей, а они ихъ въ лобокъ да въ коробокъ. Вышла сама лиса — они и съ нею тоже. Взяли пѣтушка и воротились домой.

Въ Вар. А. замѣтимъ только, что лиса, принесши кочетка домой, собиралась уже его жарить. Тутъ прибѣжалъ котъ и пр., какъ въ вар. В.

2. Разр. полуживотный. Яга уноситъ дитя. Варіянты: А (Аѳ. II, 113), Б (тамъ же 115), В (Чешская «o smoličkovi.» «Sebrani spisy Boženy Němcové. Praha, 1863, VIII, 28).

Первая половина. Вар. А. Жилъ котъ, воробей да жихарько [74] третій. Котъ да воробей пошли дрова рубить и говорятъ жихарьку: «Домовничай, да смотри, ежели придетъ Яга-Баба да станетъ считать ложки, ты ничего не говори, молчи!» Жихарь сѣлъ на печь за трубу. Приходитъ Яга и начинаетъ считать ложки: «Эго котова ложка, это воробьева ложка, а третья жихарькова.» Жихарь не могъ стерпѣть, закричалъ: «Не тронь, Яга-Баба, мою ложку!» Яга-Баба схватила жихаря, сѣла въ ступу, поѣхала; ѣдетъ въ ступѣ, пестомъ понужаетъ а помеломъ слѣдъ заметаетъ. Жихарь заревѣлъ. Котъ и воробей услышали, прибѣжали и отняли жихаря. Такъ случилось и во второй разъ. Въ третій разъ братья не слыхали, и Яга унесла жихаря къ себѣ домой.

Вар. Б. Въ одной семьѣ было три брата; большаго прозывали Бараномъ, средняго Козломъ, а меньшаго звали Чуфиль-Филюшка. Разъ пошли они въ лѣсъ, а въ лѣсу жилъ караульщикомъ родной ихъ дѣдушка. Баранъ да Козелъ оставили тамъ своего брата, а сами пошли въ лѣсъ на охоту. Захотѣлось Филюшкѣ съѣсть яблочко, онъ въ садъ да на яблоню. Откуда ни взялась Яга-Бура въ желѣзной ступѣ съ пихтилемъ въ рукѣ: «На-ка, Филюшка, моего яблочка!» Тотъ протянулъ руку, Яга схватила его, посадила въ ступу и поскакала по кустамъ, по лѣсамъ, по оврагамъ, погоняючи ступу пихтилемъ. Филюшка сталъ кричать: «Козелъ, Баранъ! Бѣжите скорѣй! Меня Яга утащила за

---

[74] Жихарь (отъ жи-ть; сравн. зна-харь), собственно тотъ, кто живетъ; отсюда: а) хозяинъ, жилецъ, постоялецъ, крестьянинъ, живущій на пустоши; б) лихой, удалой, смѣлый, молодецъ. Аѳанасьевъ думаетъ, что здѣсь жихарь — во 2-мъ значеніи, но вѣроятнѣе въ первомъ: жилецъ, по тому что жилъ у кота, или хозяинъ, по тому что его оставляли дома хозяйничать, домовничать.

тѣ горы за крутыя, за тѣ лѣса за темные, за тѣ степи за гусиновыя!» Козелъ и Баранъ отдыхали тогда; одинъ лежалъ на землѣ, вотъ ему и слышится — кричитъ кто то. «Прислонись-ка ты къ землѣ,» говоритъ лежачій сидячему. — «Ой, это кричитъ нашъ Филюшка!» — Пустились они бѣжать, нагнали Ягу-Буру, отбила Филюшку. Въ другой разъ Яга, заманивши Филюшку яблочкомъ, притащила его въ свой домъ.

Вар. В. Смоличекъ былъ маленькій мальчикъ и жилъ у одного золоторогаго оленя. Уходя на пашу, олень приказываетъ было Смоличку запереть двери и никого не пускать. Разъ услышалъ Смоличекъ за дверьми сладкіе голоски:

«Smolíčku, pacholíčku,
Otevři nám tvou sednićku,
Jen dva prstéćky tám strčíme,
Jen co se vhřejeme,
Hned zas půjdéme.»

Смоличекъ побоялся отворить, и за это олень, воротившись, похвалилъ его, по тому что это были Jeskyňky (Б. Нѣмцова ставитъ въ скобкахъ: Jezinky?). Въ другой разъ Ескиньки просились еще умильнѣе, и при томъ дрожали и плакали отъ холоду. Смоличекъ отворилъ дверь на столько, чтобъ можно было просунуть два пальца. Тѣ просунули два бѣлые пальца, потомъ цѣлую руку, потомъ и сами вошли, схватили Смоличка и побѣжали. Смоличекъ сталъ кричать:

«Za doly, za hory me zlaté parohy
Kde se pasou!
Smolíčka, pacholíčka
Jeskynky nesou.

Олень услышалъ, прибѣжалъ и отнялъ его. Въ третій разъ Ескиньки стали еще больше проситься въ избу и говорили, что у нихъ у Смоличка будетъ всего въ волю, а они съ нимъ все будутъ играться. Смоличекъ отворилъ, а онѣ его унесли. Олень былъ далеко и крику не слышалъ.

Вторая половина. Вар. А. Яга притащила жихаря домой, посадила въ голбецъ,[75] затопила печь и говоритъ большой до-

[75] Деревяная придѣлка къ печи.

чери: «Дѣвка, я пойду въ Русь; ты изжарь къ обѣду мнѣ жихарька!» Печка истопилась. «Ложись на ладку.» [76] говоритъ дѣвка жихарю. Тотъ легъ, уставилъ одну ногу въ потолокъ. другую въ наволокъ. [77] «Не такъ, не такъ!» — «А какъ? Ну-ка поучи!» — Дѣвка сѣла на ладку, жихарь пихнулъ ее въ печь, а самъ ушелъ опять въ голбецъ. Прибѣгаетъ Яга и говоритъ: «Покататься было, поваляться было на жихарьковыхъ косточкахъ!» А жихарь: «Покатайся, поваляйся на дочерниныхъ косточкахъ!» Яга увидавши, что старшая дочь изжарена, приказываетъ середней изжарить жихарька. Этотъ и съ середнею, и съ меньшею, наконецъ и самою Ягою повторяетъ ту же хитрость, что и со старшею.

Вар. Б. Яга приказываетъ дочери изжарить Филюшку, но онъ, какъ выше, сажаетъ въ печь эту дочь, а самъ съ будничнымъ пихтилемъ и ступою Яги уходитъ на потолокъ. Яга, съѣвши дочь, зоветъ ее кататься на Филюшкиныхъ косточкахъ, а Филюшка кричитъ ей, какъ выше. Потомъ онъ пестомъ убиваетъ Ягу, которая лѣзла за нимъ на верхъ, взлѣзаетъ на крышу, у перелетныхъ гусей выпрашиваетъ по перушку, и на этихъ перьяхъ улетаетъ домой.

Вар. В. Дома Ескиньки посадили Смоличка въ клѣтку и стали откармливать лакомствами. Черезъ нѣкоторое время приказали ему высунуть пальчикъ и рѣзнули по пальцу ножемъ, чтобъ знать, жиренъ ли смоличекъ откормился. Тѣ положили его въ ночовки и понесли жарить. Тутъ Смоличекъ со всѣхъ силъ сталъ кликать оленя. Олень прибѣжалъ, схватилъ смоличка на золотые рога и унесъ.

Изъ сравненія приведенныхъ сказокъ и о лисѣ и Ягѣ видно, что первыя ихъ половины представляютъ наибольшее сходство, даже въ подробностяхъ: лиса приглашаетъ пѣтуха катать золотыя яблочки, и Яга заманиваетъ Филюшку яблочкомъ; пѣтухъ и Филюшка кричатъ о помощи почти одинаковыми словами. Вторыя половины различны, но вар. А. сказки о лисѣ говоритъ, что

---

[76] Глиняная сковорода.

[77] Низъ, полъ.

лиса собиралась жарить пѣтушка, что́ составляетъ главную черту сказокъ о Ягѣ; наоборотъ въ вар. В сказки о Ягѣ Смоличекъ не самъ освобождается, какъ въ вар. А и Б, а выручаетъ его олень, какъ въ сказкѣ про лису пѣтушка выручаетъ котъ, или котъ и баранъ.

Жихарько, Филюшка и Смоличекъ сказки о Ягѣ соотвѣтствуютъ пѣтуху сказокъ о Лисѣ, изъ чего заключаемъ, что и въ послѣднихъ пѣтухъ есть ребенокъ. Въ вар. Б (Аѳ. IV, 19). Пѣтухъ носитъ и дѣтское имя: Петя; въ ск. Аѳ. Ш, 72 онъ названъ «красное чадо;» впрочемъ, можетъ быть, въ смыслѣ духовнаго чада лисы, которая прикидывается исповѣдникомъ и старается сманить его съ дуба, обѣщая «взнести его душу на небеса.[78] Цыплята — одна изъ обыкновенныхъ формъ, въ которыхъ представляются души дѣтей, окружающихъ Гольду (Frau Rose въ упомянутой выше дѣтской игрѣ) и получаемыхъ отъ нея матерью, или дѣти, похищаемыя ястребомъ (смертью) въ Слав. дѣтской игрѣ.

Второстепенное, въ глазахъ современныхъ намъ разсказчиковъ, значеніе братьевъ похищаемаго пѣтуха, или ребенка, или тѣхъ, у кого онъ живетъ, видно изъ того, что образы ихъ мѣняются въ каждомъ почти варіантѣ: въ сказкѣ о Лисѣ это — котъ и баранъ, или одинъ котъ; въ сказкѣ о Ягѣ — котъ и воробей, баранъ и козелъ, олень. Такая неопредѣленность заставляетъ насъ не придавать важности тому обстоятельству, что котъ, о связи коего съ лисою и Ягою будетъ рѣчь ниже, въ сказкѣ о лисѣ идетъ противъ лисы. Въ слѣдствіе той же неопредѣленности, мы считаемъ болѣе безопаснымъ принимать всѣ разсматриваемыя сказки покамѣсть только за сказки о похищеніи лисою-Ягою ребенка у людей, а не за образы отношеній Яги-лисы къ извѣстнымъ явленіямъ внѣшней природы, на примѣръ, къ огню (пѣтухъ), солнцу (золоторогій олень).

Въ сказкѣ о лисѣ замѣтимъ, что у нея есть яблоки, какъ у Яги; что она обѣщаетъ дать пѣтуху каши, съ чѣмъ сравните то, что мышь, сорока-ворона и Гольда (= Яга) кормятъ дѣтей кашею;

---

[78] Аѳ I, 5; IV, 19.

что у нея есть дочери, какъ у Яги, и золотое гнѣздо Въ вар. А сказки о Ягѣ кажется важнымъ слѣдующее. Котъ и воробей знаютъ, что Яга прійдетъ, но не сдѣлаетъ ничего дурнаго, если жихарько будетъ молчать и не помѣшаетъ ей считать ложки. Яга уноситъ жихаря, какъ бы наказывая его за неуваженіе къ себѣ. Считанье ложекъ, указывающее на отношеніе Яги къ домашнему хозяйству, сравните со слѣдующимъ Французскимъ свидѣтельствомъ о существѣ, подобномъ Гольдѣ, или Берхтѣ, и имѣющемъ отношеніе къ дѣтямъ: «Sic et daemon, qui, praetextu mulieris, cum aliis de nocte domos et cellaria dicitur fraequentare, et vocant eam Satiam, a satietate, et Dominam Abundiam, pro abundantia, quam eam praestare dicunt domibus, quas fraequentaverit.... Dicunt has dominas edere et bibere de escis et potibus, quos in domibus inveniunt, nec tamen consumptionem, aut imminutionem eas facere escarum et potuum, maxime si vasa escarum sint discooperta et vasa poculorum non obstructa eis in nocte relinquantur. Si vero operta, vel clausa inveniunt, seu obstructa, inde nec comedunt, nec bibunt, propter quod infaustos et infortunatos relinquunt, nec satietatem, nec abundantiam eis praestantes.»[79] Еще важнѣе, что, по Славянскому повѣрью, смерть (собств. чума, или холера, Серб. куга, мóря), на связь коей съ Ягою мы уже указывали, смотритъ за чистотою посуды и моритъ въ наказаніе за неопрятность: «Кадъ куга мори, онда ёй слабо говоре куга, него кума[80] (као да би є съ тимъ умилостивили), нити смію у вече оставити неопране судове; єръ она доде нотю у кутю те гледа, есу ли судови лiепо опрани, па ако не буду, а она све кашике (ложки) изгребе и отрує.»[81] Можетъ быть, именно по этому Жихарько боится за свою ложку. Въ одномъ Галицко-Русскомъ разсказѣ это—моровая женщина, осматривающая

---

[79] Guilielmus Alvernus, Парижскій Епископъ, умеръ 1248. Grimm, Myth. 263—265.

[80] Ср. лиса — кума. Смерть въ извѣстной Нѣмецкой сказкѣ дѣйствительно приглашена въ кумы и креститъ ребенка. Можетъ быть, здѣсь указаніе на извѣстное, по другимъ источникамъ, отношеніе богини, посылающей души на свѣтъ, къ отходу этѣхъ душъ со свѣта.

[81] Караджк. Рѣчн. Куга.

и своимъ дыханіемъ отравляющая посуду и ведра съ водою, есть вѣдьма [82] Замѣна Яги вѣдьмою очень обыкновенна.

Въ вар. В сказки о Ягѣ вмѣсто этой послѣдней — нѣсколько Ескинекъ. Независимо отъ предположенія, что Ескиньки — Езинки, есть основаніе думать, что этѣ Ескиньки — разложеніе одного лица, Бабы-Яги. Именно: Ескиньки дрожатъ и плачутъ отъ холоду, просясь въ избу; точно такъ въ одной Словацкой сказкѣ Ежи-Баба, сидя на деревѣ, дрожитъ отъ холоду и проситъ позволенія слѣзть и погрѣться у огня. Сказка эта состоитъ въ слѣдующемъ. Два брата, совершенно похожіе другъ на друга, каждый съ тремя животными: волкомъ, медвѣдемъ и львомъ (по соотвѣтствующимъ Нѣмецкимъ — съ тремя собаками) идутъ въ свѣтъ. Одинъ изъ нихъ освобождаетъ отъ змѣя Царевну и, послѣ нѣкоторыхъ препятствій, женится на ней. Разъ, стоя у окна, видитъ онъ съ одной стороны зеленый лѣсъ, а съ другой — желтый, какъ осенью. Отправляется съ своими звѣрьми на охоту въ этотъ заклятый желтый лѣсъ и гонитъ тамъ лисицу, которая, заведши его въ чащу, исчезаетъ. Тутъ подъ дубомъ онъ раскладываетъ огонь и начинаетъ поджаривать кусокъ сала, какъ слышитъ надъ собою голосъ: «Zima mi, zima mi!» Надъ нимъ сидѣла на дубу старая баба. Онъ приглашаетъ ее погрѣться, но та боится его звѣрей и не сходитъ, пока онъ, взятымъ у нея, прутикомъ не ударилъ каждаго изъ звѣрей. Слѣзши баба (Striga, вѣдьма) стала себѣ жарить жабу, приговаривая: «Ty pečieš slaninu, ja pečiem žabu; mne bude slanina, a tebe žaba», и при этомъ мазала его жабою по губамъ. [83] Тотъ, разсердившись, приказываетъ звѣрямъ схватить бабу, но звѣри отъ ударовъ бабинымъ прутомъ окаменѣли. Баба бьетъ и его этимъ прутомъ и превращаетъ въ камень. Въ Малорусскомъ варіантѣ этой сказки богатыря окаменяетъ именно Баба-Яга, которая ѣдетъ въ ступѣ, толкачемъ погоняетъ (Novosiel. Lud Ukr. I, 305). Между тѣмъ другой братъ узнаетъ по примѣтамъ о несчастьи перваго, идетъ въ братово царство, по-

---

[82] Wahylewič, o upírech a widmách, 247.

[83] Въ другой сказкѣ, въ которой встрѣчается тоже печенье жабъ, баба говоритъ: «Mne se peče slanina, a tebe se žaba; ty chceš iti do pekla, ja som Ježi-baba» (Kollar, Zpěv. I).

томъ въ заклятый лѣсъ, встрѣчаетъ лисицу, потомъ бабу, но не даетъ послѣдней окаменить ни звѣрей, ни себя, принуждаетъ возвратить къ жизни брата. Звѣри бросились на бабу и разорвали ее въ куски. Отъ этого кругомъ разсвѣло и лѣсъ позеленѣлъ. [84] Не вдаваясь въ объясненіе всѣхъ чертъ сказки, отчасти, впрочемъ, уже объясненныхъ, [85] скажемъ только, что она служитъ новымъ, доказательствомъ связи лисы и Яги (=Стрига, Ежи-Баба). Такъ какъ, послѣ сказаннаго выше, если не несомнѣнно, то, по крайней мѣрѣ, вѣроятно тождество Яги и Марены (Мораны и т. д.), образа смерти и зимы, [86] то въ приведенной сказкѣ можно считать Стригу (Ягу) за зиму, которая и сама дрожитъ отъ холоду и морозомъ превращаетъ въ камень богатыря, и по смерти которой развивается лѣсъ.

Разрядъ человѣческій. Варіянты: А (объ Ивасѣ и вѣдьмѣ, Зап. о Юж. Руси II, 17, Аѳ. Ск. I, 16), Б (о Тельнушкѣ и Вѣдьмѣ Аѳ. I, 20, В (тамъ же 91—92), Г (Серб. Матѣха и Пасторка, Караджк. Припов. N 35), Д (Словенская Liudojedi, Skultety a Dobšinsky, Slov. Pov. 334), Е (Hänsel und Grettel, Grimm, März. I, 79), Ж (die alte Frick, Kuhn und Schwartz, Norddeutshe Sag. 319).

Первая половина. Вар. А. У мужа съ женою былъ сынъ Ивась. Попросилъ онъ отца сдѣлать челнокъ и сталъ ловить рыбу. Въ обѣднюю пору мать приносила ему обѣдъ на берегъ и кликала:

---

[84] Skultety a Dobšinsky, Sloven. pov. I, 1 и слѣд.

[85] Маннгардъ, Germ. Myth. 216 и слѣд., принимаетъ братьевъ-богатырей за Индру и Агни, а ихъ собакъ за Марутовъ (вѣтровъ), помагающихъ побѣждать змѣя—Вритру.

[86] Это тождество признается и другими. Фейфаликъ (Mannh. Zeitschr. für Myth. IV. 387—389) дѣлаетъ такое сближеніе: Въ нѣкогда Славянскихъ земляхъ, Средней Марки (Mittelmark) на Святкахъ (Zwölften) вмѣсто Fru-Harke (=Берхтѣ, Гольдѣ) мѣстами появляется Murrane. Такъ какъ тамъ же Murane значитъ Alpdrücken (Мара, Чеш. Můra, Нѣм. die Mahr), а die Mahr находится въ связи съ Берхтою (Гольдою), и такъ какъ мѣстами въ Чехіи дѣйствительно появляется на Святкахъ Морана (тутъ ссылка на журналъ Skola a Život 1857, прилож. стр. 78), то Murrane — то же, что Морана, Мора, Берхта. Но Берта, прибавимъ, соотвѣтствуетъ Ягѣ; слѣдовательно, Яга — Морана.

«Ивась сынокъ,
Золотой човнокъ,
А срѣбнее весѣлечко,
Плыви до мене,
Мое сердечко!»

Ивась послышитъ: «Ближче, ближче, човнику, до бережка! Се моя матѣнка!» Вѣдьма позавидовала такого дитяти, пришла къ берегу и зоветъ Ивася тѣми же словами. Ивась слышитъ, что такой толстый голосъ: «Дальше, човнику, дальше одъ бережка! Се не моя матѣнка!» Вотъ вѣдьма пошла къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ! скуй мнѣ такой тоненькій голосокъ, какъ у Ивасевой матери!» Тотъ и сковалъ. Тогда вѣдьма стала кликать Ивася; тотъ приплылъ, а она схватила его, посадила въ желѣзный мѣшокъ и отнесла къ себѣ.

Вар. Б. Былъ себѣ дѣдъ да баба, и у нихъ не было дѣтей. Дѣдъ вырубилъ въ лѣсу тельпушокъ (чурбанчикъ), сдѣлалъ ему колыску, баба стала его колыхать, припѣвая:

«Люли, люли, тельпешику,
Зварю табѣ кулѣшику,
И ячнага, и смачнага,
Авсянага, прасянага,»

и изъ этого тельпушка сдѣлалось дитя. Выросши, Ивашко загадалъ отцу сдѣлать серебряный челнокъ и золотое весельце, и стали по цѣлымъ днямъ ловить рыбу.

Остальное, какъ въ Малороссійской сказкѣ, только вѣдьма приказываетъ кузнецу сковать не голосъ, а такой язычокъ, какъ у Ивашкиной матери.

Вар. Г. былъ вдовецъ, и у него — сынокъ и дочка. Женился онъ на вдовѣ, у которой была своя дочь. Мачиха не взлюбила мужнихъ дѣтей, и разъ пристала къ мужу, чтобъ онъ ихъ отвелъ въ лѣсъ и тамъ бросилъ. Разговоръ этотъ слышала его дочь. Утромъ сироты тайкомъ набрали себѣ въ карманы золы, и когда отецъ повелъ ихъ, стали высыпать ее по немногу. Въ лѣсу отецъ сказалъ имъ: «Посидите тутъ, пока я ворочусь!» а самъ ушелъ. Вечеромъ дѣти по разсыпанной золѣ нашли дорогу домой, но не посмѣли прямо войти въ избу, а стали подъ окномъ. Въ то время

отецъ съ мачихою сидѣли за ужиномъ. Когда поужинали, мачиха и говоритъ: «Если бъ наши дѣти были дома, дали бъ мы имъ этѣ корки, и они бъ поужинали.» А дѣти изъ за окна: «Вотъ и мы, мать!» На утро мачиха припрятала золу и опять заставила мужа вести дѣтей въ лѣсъ. Дѣти набрали въ карманы мякинъ и стали сыпать ихъ по дорогѣ. Въ лѣсу развелъ огонь и пошелъ будто за водою, а на самомъ дѣлѣ домой. Дѣти думали было найти опять дорогу, но какіе-то звѣрки подобрали мякины. Пришлось воротиться къ огню.

Вар. Д. Въ голодный годъ мачиха заставляетъ мужа занести трехъ его дочерей куда ни будь, такъ чтобъ онѣ не воротились. Младшая сестра, по совѣту своей крестной матери, вѣдьмы (vĕštica), беретъ въ первый разъ мѣрку золы, въ другой — клубокъ нитокъ, въ третій — мѣрку гороху. Въ третій разъ птицы позобали горохъ, и сестры не могли найти дороги д мой.

Вар. Е. Дѣтей двое: мальчикъ Гензель и дѣвочка Гретель. Отецъ и мачиха въ голодный годъ отводятъ ихъ въ лѣсъ. Мальчикъ бросаетъ по дорогѣ мелкіе каменья. Въ лѣсу отецъ съ мачихой зажгли для дѣтей огонь, а сами пошли будьто бы рубить дрова. Дѣти слышатъ стукъ въ лѣсу и думаютъ, что это отецъ рубитъ дрова; но это стучалъ не топоръ, а вѣтеръ качалъ полѣно, которое отецъ нарочно повѣсилъ на сухомъ деревѣ. Дѣти находятъ дорогу по каменьямъ, которые блестятъ на лунномъ свѣтѣ. Въ другой разъ мальчикъ крошитъ за собою хлѣбъ, но птицы подбираютъ крохи.

Вторая половина. Вар. А. Принести Ивася домой, вѣдьма приказываетъ дочкѣ Оленькѣ сжарить его, а сама идетъ звать гостей. Ивась будьто бы не знаетъ, какъ садиться на лопату, проситъ Оленьку показать, и сажаетъ ее въ печь, а самъ взбирается на высокій яворъ (или дубъ). Вѣдьма съ гостьми съѣдаетъ свою дочь и выходитъ на дворъ кататься: «Покачуся-повалюся Ивасевого мясця наѣвшися!» А Ивась съ дерева: «Покотитця-повалитця Оленчиного мясця наѣвшися!» Вѣдьма бросается грызть дубь, ломаетъ зубы и идетъ къ кузнецу: «Скуй мнѣ желѣзныи зубы!» Между тѣмъ летятъ гуси. Ивась проситъ ихъ:

«Гуси, си-лебедята!
Возьмѣть мене на крылята,
Понесѣть мене до батенька!
Буде тамъ вамъ ѣсти й пити,
Всёго доброго тай не трохи».

А гуси говорятъ: «Пусть тебя середніе возьмутъ!» Онъ къ середнимъ, и тѣ: «Пусть тебя возьметъ самое худшее заднее!» Заднее гусятко взяло его на крылья, принесло домой, посадило на трубѣ, а само ходитъ по двору и пасется. Мать какъ разъ вынимала изъ печи пироги и дѣлила: «Се тобѣ, чоловѣче, а се менѣ». А Ивась съ трубы: «А менѣ?» «Кто тамъ?» говоритъ мать, да опять: «Се тобѣ, чоловѣче, а се менѣ». А Ивась: «А менѣ, мамо?» Сняли Ивася съ трубы, гусятко напоили, накормили, подъ крыльца насыпали пшена, оно и полетѣло.

Вар. Б. Вѣдьма не грызетъ, а рубитъ дерево, и ломаетъ при этомъ топоры. Остальное, какъ въ А

Вар. В. Вмѣсто дочери, у вѣдьмы — сынъ. Когда вѣдьма грызетъ дерево, сидящій на немъ мальчикъ проситъ перелетныхъ гусей бросить ему по перу, и, окрыленный этими перьями, обращается въ гуся и улетаетъ.

Вар. Г. У огня находятъ дѣтей Евреи, берутъ къ себѣ, мальчика запираютъ въ чуланъ и откармливаютъ, а дѣвочку заставляютъ прислуживать своей матери. Когда мальчикъ откормился, Евреи приказываютъ матери его изжарить, а сами уходятъ. Дѣвочка проситъ бабу показать мальчику, какъ нужно садиться на лопату, и сажаетъ ее саму въ печь; потомъ уходитъ съ братцемъ домой, черезъ рѣчку по мосту. Евреи, воротившись, бросаются за дѣтьми въ погоню; но отъ дождя рѣчка разлилась и снесла мостъ, такъ что дѣтей они догнать не могли. (Здѣсь собственно кончается сказка, но къ ней приставленъ еще одинъ мотивъ, о которомъ ниже).

Вар. Д. Сестры приходятъ къ замку, въ которомъ живутъ людоѣды: баба толстая, какъ колода, ротъ до ушей, зубы, какъ колья, носъ, какъ кулакъ, очи, какъ тарелки—и дѣдъ. (По другому вар. дѣдъ этотъ—вѣтеръ, ходитъ по свѣту жрать людей, сушитъ свое платье въ стекляномъ замкѣ). Сестры нанимаются у стари-

ковъ на службу, открываютъ въ одной избѣ множество дѣвочекъ, которыхъ дѣдъ накупилъ по свѣту, чтобъ послѣ поѣсть. Младшая сестра сажаетъ бабу въ натопленную печь. Дѣда они обманываютъ и убиваютъ его же мечомъ. Дѣвочекъ выпускаютъ, а сами остаются хозяйничать въ замкѣ (къ этому неловко приставлена часть сказки Myšačia bundička, Škult. a Dobš. 51; Аѳ. II, 103).

Вар. Е. Сбившихся съ дороги дѣтей бѣлоснѣжная птичка приводитъ къ избушкѣ изъ хлѣба, покрытой пряниками, съ окнами изъ леденца. Они стали крошить крышу и ѣсть. «Кто трогаетъ мою избушку?» спрашиваетъ изъ избы старуха-вѣдьма. «Это вѣтеръ, небесное дитя,» отвѣчаютъ дѣти. Вѣдьма взяла дѣтей въ избу, мальчика посадила въ клѣтку, стала откармливать, а дѣвочку заставила работать, и давала ей ѣсть только раковыя скорлупки. Каждое утро говорила она мальчику: «Высунь пальчикъ, я посмотрю, много ли на тебѣ жиру»; но мальчикъ высовывалъ косточку вмѣсто пальца. Наконецъ вѣдьма рѣшилась зарѣзать мальчика и сварить, не смотря на его худобу. «Но сперва», сказала она дѣвочкѣ, вытопивши печь, «будемъ хлѣбъ печь. Полѣзай въ печь, посмотри, горяча ли она!» Дѣвочка притворилась, что не знаетъ какъ, вѣдьма стала ей показывать, а та толкнула ее въ печь и закрыла дверцами. Потомъ дѣти набрали себѣ жемчугу, дорогихъ каменьевъ и побѣжали. Прибѣгаютъ къ рѣчкѣ, а на ней ни моста, ни перевозу, только плаваетъ бѣлая уточка. Вотъ сестрица и говоритъ ей:

«Entchen, Entchen,
Da steht Grättel und Hänsel,
Kein Steg und keine Brücke,
Nimm uns auf deinen weissen Rücke!»

Уточка перенесла ихъ на ту сторону. Они счастливо дошли до дому, а мачихи уже не застали въ живыхъ.

Вар. Ж. Братецъ и сестрица пошли въ лѣсъ по ягоды и приблудились къ пещерѣ, гдѣ жила людоѣдка и колдунья, die Alte Frick. Фрикка сажаетъ братца въ чуланъ и откармливаетъ, чтобъ послѣ съѣсть, а сестрицу заставляетъ помогать себѣ по хозяйству. Дѣвочка отрѣзываетъ у сонной Фрикки карманъ съ волшебной палочкой и вмѣстѣ съ братцемъ бѣжитъ. У озера она

посредствомъ палочки превращаетъ себя въ уточку, а братца въ селезня. Фрикка, не смотря на свой ростъ, не можетъ ихъ достать, и принимается пить воду, но, почти допивши, лопается Дѣти принимаютъ прежній видъ и возвращаются домой.

Сказки этѣ, по первой половинѣ, представляютъ двѣ редакціи: въ одной вѣдьма похищаетъ ребенка, въ другой братецъ и сестрица (или три сестры), гонимые мачихой, сами попадаютъ къ вѣдьмѣ. При всемъ различіи въ Серб. вар. Г. встрѣчаемъ туже черту, что въ Малор. А: дѣти, воротившись изъ лѣсу, застаютъ отца и мачиху за ужиномъ, и озываются изъ-за окна, какъ Ивась въ Малорос. вар. Разсказъ о гоненіяхъ мачихи тѣмъ легче могъ быть связанъ со второю приведенныхъ сказокъ, что и онъ несомнѣнно принадлежитъ, какъ увидимъ, къ кругу разсказовъ о Ягѣ. По второй половинѣ, вышеприведенныя сказки тождественны между собою до такой степени, до какой только могутъ быть тождественны живущія только въ памяти преданія племенъ, раздѣленныхъ въ теченіе многихъ столѣтій. Ивась и соотвѣтствующія ему лица того же разряда сказокъ то же, что Жихарька и Филюшка предыдущаго разряда; между прочимъ, замѣтимъ, что и Филюшка на гусиныхъ перьяхъ улетаетъ домой. Изъ общаго сходства сказокъ можно бы заключать, что вѣдьма въ сказкѣ 3-го разряда есть одно лицо съ Ягою сказокъ 2-го раз. Но, сверхъ этого, сказка про Ивася (А) говоритъ о желѣзномъ мѣшкѣ вѣдьмы, соотвѣтствующемъ желѣзной ступѣ Яги, о желѣзныхъ зубахъ этой вѣдьмы, варіантъ В о томъ, что она живетъ въ хатѣ на курьихъ лапкахъ (постоянный признакъ Яги и сродныхъ съ нею существъ), въ которой пахнетъ человѣческимъ мясомъ, петли изъ человѣческихъ суставовъ, закрутка изъ руки и пр. (Аѳ. I, 92). Въ варіантѣ Ж вѣдьма названа die Alte Frick; но Фрикка есть лицо тождественное съ Гольдою, Бертою и пр., [87] и, слѣдовательно, соотвѣтствуетъ Ягѣ. Появленіе Евреевъ въ варіантѣ Г, какъ полагаемъ, вмѣсто людоѣда варіанта Д, произошло, вѣроятно, отъ распространеннаго по многимъ землямъ мнѣнія, что Евреи убиваютъ Христіянскихъ дѣтей. Варіантъ этотъ, по видимому, очень испорченъ. Въ Вар. Д Баба-Яга раздвояется на дѣда и бабу. Съ подобнымъ случаемъ

[87] Mannhardt, Germ. Myth. 295 и др.

мы встрѣчались уже выше. То, что людоѣдъ названъ въ одномъ варіантѣ вѣтромъ, быть можетъ можно привести въ соотношеніе со связью Гольды-Берты или Фрикки съ Воданомъ, облака съ гонящимъ его вѣтромъ. [88]

Что касается до общаго значенія приведенныхъ сказокъ, то взглядъ нашъ на этотъ предмедъ уже высказанъ. Этѣ сказки мы привели въ доказательство того, что Лиса-Яга похищаетъ дѣтей. Похищаемыхъ, т. е., пѣтушка, Филюшку или Ивася считаемъ за человѣческихъ дѣтей, похитительницу — за богиню Ягу-Морану-Гольду, похищенье—за смерть. Остается нерѣшеннымъ, какъ понимать встрѣчаемую въ большинствѣ варіантовъ смерть Лисы-Яги? Вѣроятно такъ, какъ смерть Марены на провеснѣ, т. е., какъ потерю власти, только не надъ природою, а надъ похищенною душою. Что есть параллель между смертью природы и смертью человѣческою, это видно изъ тождества смерти Мораны и зимы. Гуси-лебеди, при помощи коихъ Филюшка-Ивась возвращается домой, а равно и уточка, упоминаемая Нѣмецкою сказкою, находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ существомъ, отъ котораго они освобождаютъ дѣтей. Это видно, съ одной стороны, изъ отношенія гусей къ тучѣ, снѣгу и Гольдѣ (когда идетъ снѣгъ, то это Гольда щиплетъ своихъ гусей [89]), съ другой, изъ того, что въ Германской Миѳологіи лебедь частью самъ есть душа, частью провожаетъ души на этотъ свѣтъ и съ этого свѣта. [90] Эту послѣднюю черту находимъ въ Русской сказкѣ (Аѳ. VI, 118), изъ сравненія коей съ 2-мя другими (Аѳ. I, 13, 92), очевидно, что гуси служатъ Ягѣ и замѣняютъ ее: сестрица посадила маленькаго братца на травѣ, а самазаигралась. Гуси подхватили мальчика и унесли. Гуси-лебеди давно себѣ худую славу нажили, много исходили и маленькихъ дѣтей крадывали. Сестрица бѣжитъ за ними, спрашиваетъ, куды они полетѣли, у печки, яблони, молочной рѣчки съ кисельными берегами. Печка говоритъ: «Съѣжь моего ржанаго пирожка»; яблоня: «Съѣжь моего лѣснаго яблочка»; рѣчка:

---

[88] Mannh. Germ. Myth. 284—285.

[89] Ib. 259.

[90] Ib. 342; Аѳ. VI, 118.

«Съѣжь моего простаго киселика съ молокомъ!» Дѣвица не хочетъ. Наконецъ ежъ указываетъ ей дорогу. Прибѣгаетъ къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ Въ избушкѣ сидитъ Баба-Яга, морда жиленая, нога глиняная, сидитъ и братецъ на лавочкѣ, играетъ золотыми яблочками. Сестра схватила его и унесла, а гуси за нею въ погоню. Тутъ дѣвочка исполняетъ просьбу рѣчки, яблони и печки, и онѣ прячутъ ее отъ гусей. Молочная рѣчка съ кисельными берегами объясняется тѣмъ же, чѣмъ ниже—пирожная избушка Гольды; такое же объясненіе и для золотыхъ яблокъ Яги. Что животныя, служащія извѣстному божеству, представляются нерѣдко враждебными этому божеству, это увидимъ ниже.

Принимая, съ одной стороны, что Ивась и соотвѣтствующія ему лица—люди, съ другой, что Яга, замѣняемая вѣдьмою—божество, при томъ изъ самыхъ крупныхъ, мы расходимся со взглядомъ Гг. Буслаева и Аѳанасьева

Г. Буслаевъ [91] въ сказкѣ про Ивася и вѣдьму различаетъ два самостоятельныя преданія: «одно объ Ивасѣ, который живетъ въ челнокѣ на водѣ, и только по причитанью матери на короткій срокъ подъѣзжаетъ къ берегу. Потомъ онъ на нѣкоторое время пропадаетъ и находится подъ властью сверхъестественной силы вѣдьмы; наконецъ, возвращается къ родителямъ при помощи гуся-лебедя. Другое преданіе, вставленное уже въ это, имѣетъ предметомъ своимъ извѣстный, общій сказочный, мотивъ о томъ, какъ обманутая вѣдьма, вмѣсто невинной жертвы, съѣдаетъ свое собственное дѣтище». Это второе преданіе, какъ вставку, Г. Буслаевъ опускаетъ и обращаетъ вниманіе только на то, что считаетъ главнымъ. Но что тутъ главное? Есть основаніе думать, что Ивась со своимъ челнокомъ только случайно отождествленъ съ тѣмъ ребенкомъ, который попадается вѣдьмѣ? Намъ кажется, что главное здѣсь—соотвѣтствіе Ивася пѣтушку, Филюшкѣ, мальчику и дѣвочкѣ другихъ варіянтовъ.

Г. Буслаевъ доказываетъ, что Ивась есть миѳическое лицо, слѣдующими вопросами: «Для чего живетъ Ивась постоянно на водѣ,

---

[91] Очерки I, 314—321.

когда онъ могъ бы заниматься рыбною ловлею, какъ и прочіе, обыкновенные рыбаки, живя въ своемъ семействѣ? Для чего онъ подъѣзжаетъ къ берегу, какъ существо, отрѣшенное отъ міра— только на короткій срокъ, и опять скрывается отъ глазъ своей матери? Для чего необходимо стихотворное причитанье, какой-то торжественный, необычайный, призывъ, чтобъ привлечь его на минуту къ берегу?» Но сказка не говоритъ, что Ивась ночевать ходитъ домой, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ жилъ «постоянно» на водѣ. Онъ не ходитъ домой обѣдать, какъ, на пр. жнецы не ходятъ, если домъ далеко. Гусь приноситъ Ивася не на воду, а домой, на трубу. Кажется, сказка посылаетъ Ивася ловить рыбу за тѣмъ же, за чѣмъ она оставляетъ Жихарька и Филюшку однихъ дома, т. е., чтобъ дать вѣдьмѣ случай похитить ихъ. Что до причитанья, то хотя «стихотворныя мѣста, появляющіяся въ существенныя и рѣшительныя мгновенія разсказа, поддерживающіе воодушевленіе разскащика и вниманіе слушателя, составляютъ повсемѣстный признакъ хорошихъ сказокъ» (Гриммъ въ предисловіи къ Либрехтову перев. Пентамерона Баз.); но относительная древность и эстетическое достоинство сказки не даютъ права дѣлать выводовъ о характерѣ дѣйствующихъ въ ней лицъ. Хотя сказка съ теченіемъ времени преображаетъ, какъ извѣстно, боговъ въ людей, но всѣ дѣйствующія лица сказокъ не могутъ быть богами уже по тому, что сказка обнимаетъ и отношенія людей къ богамъ. Ужели, на пр., въ Германскомъ и Малорусскомъ [92] преданіи о великантѣ или великанѣ, который принимаетъ мужика съ плугомъ воловъ за нѣсколько сцѣпившихся козявокъ и приноситъ ихъ на показъ матери, мужикъ, плугъ и волы должны для насъ имѣть символическое значеніе, какое, на пр., имѣетъ, какъ думаемъ, лиса, уносящая пѣтуха?

«Въ какой связи, спрашиваетъ Г. Буслаевъ, съ удаленіемъ Ивася изъ дому состоитъ чудесное возвращеніе его при помощи гуся-лебедя? Есть ли это случайная прибавка, или необходимое дополненіе къ преданію о сынѣ, живущемъ на водѣ въ челнокѣ?» Г. Буслаеву нужно связать гуся-лебедя съ челнокомъ; но намъ кажется, что упомянутое возвращеніе при помощи гуся не необхо-

[92] Grimm, Myth. 505—507, Боровиковскій, Отеч. Зап. 1840. II, Смѣсь.

димо вяжется съ челнокомъ, по тому что ни въ сказкѣ о Филюшкѣ, котораго приноситъ домой гусь, ни въ Нѣмецкой о Гензель-Гретель которыхъ переноситъ черезъ воду уточка, о челнокѣ не упоминается. Мы думаемъ, что такое чудесное возвращеніе на крыльяхъ птицы такъ же мало само по себѣ доказываетъ, что Ивась есть божественное существо, какъ мало то, что аистъ, или ворона, приносятъ раждающихся дѣтей, доказываетъ, что это дѣти — не настоящія дѣти. Но Г. Буслаевъ обращаетъ вниманіе на одну Малороссійскую сказку объ Ивасѣ и сближаетъ ее съ Нѣмецкимъ преданіемъ о рыцарѣ лебедя. Это преданіе дѣлится на двѣ половины. Въ первой витязь женится на дѣвицѣ—бѣлой лебеди, корая раждаетъ ему шесть сыновей и дочь, имѣющихъ тоже способность превращаться въ лебедей и пр. Во второй одинъ изъ сыновей вѣщей дѣвы-лебеди, рыцарь, плыветъ въ дальнія страны на челнокѣ, увлекаемомъ лебедемъ, его братомъ, пристаетъ къ берегу въ то самое время, когда одна невинная женщина, присужденная къ смерти, должна погибнуть. Рыцарь лебедя спасаетъ ее и женится на ней, или на ея дочери, подъ условіемъ, чтобъ она не спрашивала его объ имени. Черезъ нѣкоторое время жена не вытерпѣла, спросила, и витязь навсегда отъ нея скрылся, увезенный въ челнокѣ лебедемъ. Г. Буслаевъ сравниваетъ съ нашею сказкою только эту вторую половину, выпустивши изъ нея спасеніе рыцаремъ невинной, посредствомъ поединка, и оставивши, стало быть, только слѣд.: сынъ вѣщей жены-бѣлой лебеди плыветъ куда-то на челнокѣ, увлекаемомъ братомъ его, лебедемъ, и возвращается такимъ же путемъ. Самъ Г. Буслаевъ замѣчаетъ, готовленномъ такимъ образомъ къ сравненію разсказѣ, слѣдующія отличія отъ Малороссійской сказки: «Миѳическое родство Ивася уже потеряно въ памяти народа; онъ сынъ уже не русалки, или какой вѣщей дѣвы-лебеди, а простой смертной; и гусь-лебедь хотя понимаетъ его рѣчи, но уже не братъ ему. Сношеніе Ивася съ міромъ сверхъестественнымъ выражено въ нашей сказкѣ вставленнымъ эпизодомъ о пребываніи его у вѣдьмы.» Въ нашихъ же глазахъ различія между Германскою и Славянскою сказкою такъ важны, что уничтожаютъ всякую возможность сравненія. Ивась ребенокъ, что видно не только изъ Малорссійской сказки но и изъ всѣхъ соотвѣтствующихъ, тогда какъ рыцарь лебедя, если даже отнимемъ у него рыцарское достоинство, остается

взрослымъ человѣкомъ. Что разница эта не существенна, и что женидьба рыцаря лебедя въ дальней сторонѣ (безъ которой самое его исчезновеніе лишено смысла) есть ненужная вставка, эта, кажется, не можетъ быть доказано. Далѣе: Ивась похищается вѣдьмою, соотвѣтствующія ему лица невольно къ ней попадаютъ, а рыцарь лебедя добровольно уѣзжаетъ. Предположить, что пребываніе у Яги есть вставка, значитъ уничтожить сказку, потому что въ первой ея половинѣ все приноровлено къ этой вставкѣ, и что безъ этой вставки остальное не имѣетъ ни какого смысла. Если прибавимъ къ этому сказанное выше объ отношеніи челнока къ гусю, то увидимъ, что намъ нѣтъ нужды саѣлать за дальнѣйшимъ сравненіемъ Нѣмецкой сказки съ Индійскою о бракѣ Сантана и Ганги и т. д., по тому что это Индійское сказаніе имѣло бы для насъ значеніе только подъ условіемъ тождества Ивася съ рыцаремъ лебедя.

Г Аѳанасьевъ заключаетъ: «по всѣмъ признакамъ, что Баба-Яга принадлежитъ къ числу вѣщихъ женъ, вѣдьмъ,»[93] а вѣдуны и вѣдьмы, по его словамъ, люди, которые «властительнымъ словомъ заговора и чародѣйною силою жертвоприношеній могли управлять дѣятельностью самихъ боговъ, вызывать ихъ къ извѣстному проявленію своего могущества.»[94] Стало быть, Яга, по мнѣнію Г. Аѳанасьева, есть существо человѣческое. Людоѣдство Яги-вѣдьмы въ сказкахъ объясняетъ онъ человѣческимъ жертвоприношеніемъ: «Существованіе человѣческихъ жертвъ у Славянъ доказывается несомнѣнными свидѣтельствами старины; эти человѣческія жертвы приносились, судя по ихъ мрачному значенію, божествамъ темнымъ, злымъ, во главѣ которыхъ стояла всепожирающая и вѣчноголодная смерть. Вотъ по чему (т. е., по тому что приносились человѣческія жертвы) народная сказка приписываетъ колдунамъ и вѣдьмамъ пожираніе человѣческаго мяса, а Бѣлорусское повѣрье, поставляя вѣдьмъ въ близкія отношенія съ нечистою силою, утверждаетъ, что онѣ питаются душами умершихъ.[95] Вку-

---

[93] Аѳан. Ск. I, 84.

[94] Онъ же, Зооморф. Бож. стр. 3, 13.

[95] Что Яга имѣетъ отношеніе къ душамъ умершихъ, это для насъ несомнѣнно; но что она пожираетъ этѣ души (а не дѣтей) это основано только на

шать отъ жертвенныхъ мясъ составляло необходимый обрядъ языческо-религіозныхъ игрищъ и пиршествъ; было ли вкушаемо мясо человѣческихъ жертвъ — положительныхъ свидѣтельствъ не имѣемъ; но едва ли можно отвѣчать отрицательно, если припомнить обычаи дикихъ народовъ и принять во вниманіе указаніе народныхъ сказокъ о вѣдьмахъ, безъ сомнѣнія, сохранившихъ память объ отдаленной грубой и животной старинѣ.»[96] Въ доказательство того, что Яга есть человѣческое существо, можно бы привести, съ одной стороны, языкъ (Русское Яга, язя, Польское jędzu, Чешское jezinka имѣютъ значеніе нарицательное: злая баба; Берында толкуетъ слово бáлія посредствомъ чаровница, язя, слѣдовательно, язя—вѣдьма), съ другой замѣну Яги вѣдьмою въ сказкахъ. Дѣйствительно, связь Яги съ вѣдьмами есть фактъ (еще требующій объясненія); но какъ изъ замѣны Гольды посредствомъ Нехе въ сказкахъ и изъ того, что вѣдьмы сопровождаютъ Гольду въ ея полетахъ, не выводятъ, что Гольда есть вѣдьма, а не одна изъ верховныхъ богинь, такъ и связь Яги съ вѣдьмами не въ состояніи, если не ошибаемся, перевѣсить положеній, которыя мы старались выше доказать, именно: что Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лицо съ Мораной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой. Если на этихъ основаніяхъ принять, что Яга есть богиня, при томъ не изъ тѣхъ, которыя являются толпами, то нужно будетъ оставить предположеніе о вкушеніи отъ жертвенныхъ человѣческихъ мясъ, возведенными въ жреческое достоинство, вѣдьмами.

свидѣтельствѣ г. Древлянскаго, автора «Бѣлорусскихъ народныхъ преданій», который смѣшиваетъ свои и чужія фантазіи съ народными повѣрьями, выдаетъ какіе-то варварскія вирши за народныя пѣсни, и по тому авторитетомъ, въ родѣ Караджича, быть не можемъ. Онъ говоритъ слѣд: «Паляндра въ видѣ безобразной женщины является въ домы умирающихъ, и тамъ забираетъ души. Души этѣ она передаетъ Бабѣ-Ягѣ-костяной ногѣ, съ которою .. она вмѣстѣ разъѣзжаетъ въ одной желѣзной иготи. Баба-Яга-костяная нога и подчиненныя ей вѣдьмы питаются душами людей, отъ чего онѣ дѣлаются воздушными и легкими, какъ души.» (Бѣл. пред. 110).

[96] Аѳан. Ск. I, 96.

Какъ выше замѣчено, родство извѣстныхъ животныхъ, тѣмъ или другимъ образомъ указываемое народною поэзіею и языкомъ, заставляетъ ожидать, если не одинаковаго, такъ сходнаго миѳическаго значенія этихъ животныхъ. Такое родство есть между лисою и волкомъ. Кровное родство лисы и волка, по Гримму, появляется только въ позднѣйшихъ басняхъ, гдѣ волкъ — дядя, лисъ (der Fuchs, le renard), племянникъ, тогда какъ въ болѣе древнихъ лисъ только кумъ волку, крестилъ у него сына.[97] Въ нашихъ сказкахъ волкъ и лиса не только кумъ и кума, но и братъ и сестра, и мы не имѣемъ основаній думать, что послѣднее новѣе перваго (что наши сказки о лисѣ сохранили болѣе древняго, чѣмъ Средневѣковый животный эпосъ, и что можемъ предполагать глубокую древность въ каждой самостоятельной чертѣ этѣхъ сказокъ, это видно, между прочимъ, изъ того, что женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго рода слова Fuchs (Гот. faúhô, ДВН. vohâ, СВН. vohe — женскаго рода, какъ и Греческ. ἀλώπηξ, Латинск. vulpes, Литовск. lapi). На отсутствіе рѣзкой разницы въ характерахъ волка и лисы, выработанной поэзіею, по видимому, въ относительно позднее время, указываетъ единство происхожденія Латинск. vulpes, лиса, и Готск. vulfs, Нѣмецк. wolf, волкъ. Сравн. также Новогреч. ἡ ἀλεποῦ, лиса, ὁ ἀλώπος, лиса и волкъ.[98] Областн. Великороссійское волчина, хитрый мужчина, или женщина, свидѣтельствуетъ объ томъ, что волку приписывалась и хитрость, хотя Средневѣковой Германскій эпосъ и нѣкоторыя народныя сказки представляютъ его вовсе не хитрымъ. Есть случаи, въ которыхъ и хитрая лиса представляется обманутою. На прим.: лиса проситъ пѣтуха спѣть, чтобъ услышать, такой ли у него голосъ, какъ у его отца. Пѣтухъ поетъ, закрывши глаза, и лиса, пользуясь этимъ, схватываетъ его и уноситъ. Крестьяне гонятся за нею и кричатъ: «Унесла лиса нашего пѣтуха!» — «Скажи имъ, говоритъ пѣтухъ, что ты уносишь своего пѣтуха, а не ихняго!» Лиса послушалась, выпустила пѣтуха, а онъ взлетѣлъ на дерево. Въ другомъ разсказѣ волкъ уноситъ пѣтуха, пѣтухъ про-

---

[97] Grimm, Reinh. Fuchs XXVI.

[98] Тамъ же XXIV — XXV.

ситъ его спѣть и, воспользовавшись его довѣрчивостью, спасается. [99]

Взявши во вниманіе, съ одной стороны, это сходство лисы, образа Яги, съ волкомъ, а съ другой повѣрье въ Заднѣстровской Руси, что «не слѣдуетъ прясть отъ Рождества до Новаго Года, чтобы волки не портили скотины,» [100] указывающее на отношеніе волка къ прядущей, или покровительствующей пряденью, богинѣ, мы находимъ вѣроятнымъ, что слѣдующая сказка, въ которой волкъ соотвѣтствуетъ Ягѣ, не лишена миѳическаго значенія.

Варіянты: А (Аѳ. Ск. II, 4), Б (онъ же IV, 51), В (Skult. a Dobš. 486), В (Grimm, Märch. I, N 5).

Первая половина. Вар. А, Б, В. Шла брюхатая коза. Ни яблонь, ни орѣшня не пустили ее подъ себя окотиться; вотъ она пошла дальше и видитъ, стоитъ избушка къ лѣсу передомъ, а къ ней задомъ. «Избушка, избушка, оборотись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!» Избушка оборотилась, коза вошла въ нее, окотилась и стала жить съ дѣтьми (А). Коза уходила въ лѣсъ кормиться. Воротится, постучится въ дверь и запоетъ: «Козлятушки, дѣтятушки, отопритеся, отворитеся! а я, коза, въ бору была, ѣла траву шелковую, пила воду студеную: бѣжитъ молочко по вымячку, изъ вымячка въ копытечко, изъ копытечка въ сыру землю.» Козлятки отопрутъ дверь, она покормитъ ихъ и опять уйдетъ въ боръ. Вотъ волкъ подслушалъ это, подошелъ къ избушкѣ и закричалъ своимъ толстымъ голосомъ: «Вы, дѣтушки, вы, батюшки, отопритеся, отворитеся! ваша мать пришла, молока принесла, полны копытцы — водицы!» — «Не отопремъ, ворятъ козлятки: у нашей матери тоненькой голосокъ и не такъ она причитаетъ. (А). Вотъ волкъ пошелъ къ кузнецу: «Кузнецъ, кузнецъ, сдѣлай ты мнѣ тоненькой язычокъ!» (тонкое горло; В). Кузнецъ сдѣлалъ ему такой язычокъ, волкъ у избушки сталъ причитать тонкимъ голосомъ. Козлятки ему отперли, а онъ ихъ

---

[99] Gr. Reinh. F. 420 — 421. Ср. ib. XXVI.

[100] Gołębiowski, Lud. Polski. 145.

всѣхъ, кромѣ одного, которое спряталось подъ печь, поѣлъ, оставилъ одну шерстку да косточки.

Вар. Г. Козлятки въ первый разъ узнаютъ волка по толстому голосу. Онъ покупаетъ и съѣдаетъ кусокъ мѣлу, и голосъ у него становится тонокъ. Второй разъ узнаютъ его по черной лапѣ. Онъ у хлѣбника обмазываетъ себѣ лапу тѣстомъ, потомъ требуетъ, чтобъ мельникъ обсыпалъ ему эту лапу мукою. Мельникъ не хочетъ, зная, что волкъ собирается кого-то надуть. «Ну, говоритъ волкъ, я тебя съѣмъ!» Мельникъ испугался, обсыпалъ ему лапу. «Ja, das sind die Menschen!» замѣчаетъ разсказчикъ. Козлята принимаютъ волка за мать, отворяютъ ему, а онъ ихъ съѣдаетъ, кромѣ одного, которое спряталось.

Вторая половина. Вар. А. Коза смолола на муку шерстку поѣденныхъ козлятъ и пригласила къ себѣ волка съ лисою на блины. Накормивши ихъ блинами, предложила поиграть въ ея любимую игру: скоро, безъ отдышки, прыгать черезъ дыру въ подполье. А передъ тѣмъ она разложила въ подпольѣ огонь и натыкала желѣзныхъ тычекъ. Лиса съ козою тутъ же перепрыгнула, а толстый бирюкъ зацѣпился ногою за половицу и упалъ въ дыру на желѣзныя тычки и огонь.

Вар. Б. Не заставши дѣтей дома, коза стала плакаться на волка. Услышалъ это волкъ и говоритъ: «Ахъ, кума, кума! что ты на меня грѣшишь? Не уже ли таки я сдѣлаю это! Пойдемъ въ лѣсъ, погуляемъ!» Пошли они въ лѣсъ и нашли яму, въ которой разбойники недавно кашу варили и оставалось еще довольно жару. Коза предлагаетъ прыгать черезъ эту яму. Волкъ прыгнулъ и ввалился туда, брюхо у него отъ огня лопнуло, а живыя козлятки выбѣжали.

Въ вар. В. нѣтъ этой второй половины.

Вар. Г. Коза распарываетъ у соннаго волка брюхо, выпускаетъ оттуда своихъ дѣтей живыхъ, а вмѣсто нихъ накладываетъ каменьевъ и зашиваетъ. Проснувшись, волкъ чувствуетъ жажду, наклоняется къ рѣкѣ и падаетъ въ нее, увлеченный тяжестью каменьевъ.

Первая половина вар. А, Б, В, очевидно, соотвѣтствуетъ первой половинѣ сказки объ Ивасѣ, коза — матери Ивася, козлята —

Ивасю, волкъ — Ягѣ. Сказка не говоритъ, кому принадлежитъ избушка, стоящая къ лѣсу передомъ. Въ такой избушкѣ живетъ обыкновенно Яга, но мы не имѣемъ основаній догадываться, что здѣсь она принадлежитъ волку. Месть козы волку во второй половинѣ сказки сравните съ сожиганіемъ, или топленьемъ, смерти.

Кромѣ вышеприведенныхъ чертъ лисы, именно того, что она приноситъ дѣтей на свѣтъ, даетъ имъ зубы и уноситъ ихъ, которымъ соотвѣтствуютъ такія же черты Яги, укажемъ здѣсь вкратцѣ еще на нѣкоторыя, хотя онѣ прямо и не могутъ быть приписаны Ягѣ, но одна изъ нихъ послужитъ намъ переходомъ къ новому животному образу этой послѣдней.

а) Постоянный эпитетъ лисицы въ Малороссійскихъ, а не рѣдко и въ Великороссійскихъ, сказкахъ — лисичка-сестричка, что можно понимать и безотносительно, какъ особенное свойство характера лисы, и относительно волка («вовчикъ — братѣкъ,» «вовкъ — панѣ братъ»). Сверхъ того, въ Великорусской сказкѣ «лисица-дѣвица,»[101] «непорочная лисица;»[102] она,» Лизавета Ивановна, и собой хороша и оборотлива.»[103] Въ стихотворной сказкѣ: «Охъ ты, лисица, желтая княгиня,»[104] въ другой — «премудрая княгиня,» можетъ здѣсь значить то же, что въ свадебныхъ пѣсняхъ, именно невѣста. Сказка изображаетъ ее дѣвицею, невѣстою, потомъ женою кота, Котафея Ивановича.[105] Въ другомъ варіантѣ лиса выходитъ за кота уже вдовой.[106] Такъ и въ третьемъ, въ которомъ лиса гордится своимъ новымъ состояніемъ и ревностно стоитъ за честь своего мужа: «Послѣ свадьбы идетъ лиса по дорогѣ, а на встрѣчу медвѣдь. «Пусти съ дороги, медвѣдь косолапый! Я не бѣдна вдова, у меня есть

---

[101] Аѳ. IV, 64.

[102] Тамъ же III, 72.

[103] Тамъ же 67.

[104] Аѳ. III, 73.

[105] Аѳ. IV, 64.

[106] Тамъ же 66.

больша́ голова́!» — «Кто такой?» — «Котъ Котафеичъ»... Лиса сердится, что медвѣдь и волкъ не такъ просятъ ее съ мужемъ въ гости. Вмѣсто «Лиса Перикѣвна, Котъ Котафеичъ, пожалуйте къ намъ въ гости!» нужно сначала помянуть мужа, потомъ жену. [107]

У Гриммовъ находимъ двѣ сказки, въ которыхъ говорится о бракѣ лисы: въ одной лисъ точно умеръ, въ другой лисъ о девяти хвостахъ только прикидывается мертвымъ, чтобъ испытать

---

[107] Записано въ Пензенской Губерніи. Какъ лиса - сестра, дѣвица, красавица, жена, такъ и куна, какъ видно изъ слѣдующаго:

Говорила куна изъ куною, сидячи надъ водою;
Говорила сестра изъ сестрою, сидячи за скамною. (Метл. 220).

Ой на зятя та метѣлъ мете,
На сванечокъ дробенъ дощъ иде:
Крыйся, зятю, та куницями,
Куницями та лисицями,
Братиками та сестрицями (Метл. 135).

....Сыкорко каже: «Не єсть то куна,
То невѣстка моя» (Тамъ же 232).

Прибѣжалъ соболь къ куницѣ,
А пріѣхалъ удалой молодецъ къ красной дѣвицѣ (Этн. оч. Ю. Сиб. 37).

.... Окитена куна —
То є твоя вѣреница люба (Серб. пѣсм. III, 329).

.... Бѣжи, чужа жоно, по полю куною..... (Метл. 288).

Какъ Тв. лисенькій значитъ миленькій, такъ Иск. и Тв. ку́ночка — хорошо одѣтая дѣвочка, Олон. ку́нюшка — милый, любезный. Съ куница, плата отъ новобрачной Пану или Городничему, ср. лисица (Яросл.), пряникъ, приносимый сродниками молодымъ, подъ бѣлымъ покрываломъ, на другой день послѣ свадьбы. Замѣтимъ еще, что слова куница и лисица одинаково, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, получаютъ значеніе: кандалы и пр. Серб. лисице, желѣза на руки, Чеш. lisice, винный прессъ, станокъ для ковки лошадей (Nothstall), садокъ для рыбы, клѣтка для птицы; Польск. kuna żelazna — obręcz do więzienia złoczyńców; Чешск. kuna, то же: sedĕti v kunĕ — v nevoli; kůl, v kterem prkna neb co jinĕho se upevňuje.

вѣрность жены; въ обѣихъ посредницею между лисою и женихами служитъ служка лисы, кошка (Frau Katze) [108]

б) У лисы есть дѣти. Въ двухъ вар. упоминается 2, или 3, сынка и 4 дочки, въ двухъ другихъ въ одномъ 4, въ другомъ 7 дочерей. [109] У Яги тоже есть дочери (см. ниже).

в) Постоянный эпитетъ лисы кума, кумушка, обнаруживаетъ вліяніе и на самое слово кума: Пск. и Тв. кумить, льстить кому ни будь, то же что лисить, ласкаться, съ цѣлью уговорить, хитрить Извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ сказка, какъ лиса прикидывается бабою, повивальною бабкою, подъ предлогомъ что идетъ бабить (на повой) обѣдаетъ одна, безъ волка, общій медъ, или масло. [110] У Гриммовъ въ соотвѣтствующей сказкѣ вмѣсто лисы и волка — кошка и мышь. [111] Замѣтимъ, что лисѣ, приносящей дѣтей на свѣтъ, очень кстати быть повивальною бабкою.

г) Лиса лѣкарка и плачея. [112]

д) Лиса сваха. Въ Русской сказкѣ, извѣстной въ нѣсколькихъ варіантахъ, [113] она высватываетъ дочь царя - огня и царицы - молоньи за бѣдняка, и хитростью доставляетъ этому послѣднему богатства царя Зміулана или Змѣя. Выше мы замѣтили въ двухъ случаяхъ связь кошки съ лисой: въ Русской сказкѣ лиса выходитъ за мужъ за кота, а въ Нѣмецкомъ такого же содержанія кошка служитъ посредницею между лисою и женихами; въ Русской сказкѣ лиса ходитъ на повой, а въ соотвѣтствующей Нѣмецкой кошка. Здѣсь повторяется то же въ третій разъ. Въ сказкѣ про Кота въ сапогахъ, извѣстной намъ по редакціямъ Французской, Италіянской и Норвежской, роль лисы свахи играетъ котъ. Хотя названіе героя Малорусской сказки «Костянтинъ Костянтиновичь» наводитъ на мысль о заимствованіи

---

108 Grimm. März. I, N 38.

109 Аѳ. Ск. II, 4; IV 22, 24.

110 Тамъ же I, 6; IV, 11, 13, 15, 17.

111 Grimm. März. I, N 2

112 Аѳ. Ск. I, 8; IV 26, 31.

113 Аѳ. Ск. IV, N 10, N 11 и стр. 39. Сверхъ того, я слышалъ такую же Малороссійскую сказку.

изъ Италіянскаго, потому что и въ Италіянской, по редакціи Страпаролы, герой носитъ имя Константина; но и допуская, что Италіянская сказка была извѣстна на Руси, слѣдуетъ думать, что изъ нея взято очень немного. Существенныя черты Русской сказки совершенно оригинальны: вмѣсто кота въ сапогахъ — лиса, вм. царя — царь Громъ (Малор.) или царь - Огонь и царица - Молонья, вмѣсто огра Французск. ск. о Маркизѣ Карабасѣ и Тролля Норвежской царь Зміуланъ, или царь Змѣй, или Змѣй Змѣевичъ, Воронъ Вороновичъ и Кокошъ Котовичъ. Въ Норв. сказкѣ Тролль одинъ изъ зимнихъ великановъ (Hrîm - thursar, Reif - riesen), враждебныхъ солнцу и особенно Тору — грому. Котъ задерживаетъ его у воротъ его замка разсказами о земледѣліи до тѣхъ поръ, пока Тролль не треснулъ отъ лучей вышедшаго между тѣмъ солнца — «прекрасной дѣвицы.» Въ Русск. сказкѣ лиса уговариваетъ змѣя спрятаться въ дубъ, а царя Грома (= огня) и Козьму (= Константина) научаетъ разстрѣлять для потѣхи этотъ дубъ на мелкія части («пустить громовую стрѣлу» Малор.). Или: лиса, попугавши Змѣя, Ворона и Кокоша приближеніемъ царя съ огнемъ и царицы съ молоньей, прячетъ ихъ, одного въ солому, другого въ ступу, третьяго въ бочку, и потомъ приказываетъ свезти ихъ всѣхъ въ воду. Мы не можемъ объяснить отношеній лисы (= кота) къ яснымъ миѳическимъ личностямъ огня-грома и молніи съ одной и змѣя [114] съ другой стороны; но приведемъ нѣкоторыя доказательства того, что самъ котъ (= лиса) есть здѣсь миѳическая личность:

а) Въ Нѣмецкихъ дѣтскихъ пѣсняхъ говорится въ одномъ варіантѣ что аистъ или Марія-дѣва, т. е., Гольда, находитъ дитя въ колодцѣ, въ другихъ, что кошка въ сапогахъ. Въ одномъ вар. колодецъ этотъ названъ Гольдинымъ:

«Unsa katz had schtiferln an,
Kennt damid ant Hollabrunn
Findt a kindl in da sunn». [114]

Стало быть, кошка въ сапогахъ служитъ Гольдѣ, или есть она сама.

---

[114] Змѣй, воронъ и кокошъ, полагаемъ, есть первоначально одно лицо. Mannh. Germ. Myth. 533 и слѣд.

б) Есть Русская примѣта: «Когда кошка чихнула, скажи: «Здравствуй!» зубы не заболятъ.» [116] Ср. отношеніе Яги и Гольды къ зубамъ.

в) По Нѣмецкому предразсудку, «кто не любитъ кошекъ, у того не будетъ красивой жены. [117] Можно бы думать, что здѣсь простой переходъ отъ сходства къ причинной связи: кошка женщина (на пр., въ Русской пословицѣ: «Баба съ кошкою въ избѣ, мужикъ съ собакою на дворѣ»); слѣдовательно, кто не любитъ кошекъ, тотъ не любитъ женщинъ, а по тому не найдетъ красивой жены. Но вѣроятнѣе, что здѣсь красивая жена—награда за уваженіе къ кошкѣ. животному, посвященному Богинѣ—покровительницѣ браковъ, именно Фреѣ-Фроувѣ, колесницу коей везла пара кошекъ. [118] Фрею принимаютъ за лицо первоначально тождественное съ Гольдою. [119] Что второе объясненіе, не исключающее, впрочемъ, перваго, здѣсь умѣстно, доказываетъ другая форма упомянутой примѣты: «Кто не кормитъ кошекъ (или: «кто не терпитъ кошекъ), тотъ будетъ вѣнчаться въ дождь». [120] Связь кошки съ дождемъ и бракомъ указываетъ на ея отношеніе къ Гольдѣ, покровительствующей браку и ниспосылающей дождь.

г) Вѣдьма такъ, или иначе, находится въ связи съ Гольдою и Ягою. Но вѣдьма чаще всего превращается въ кошку; кошки, какъ и вѣдьмы, сходятся на шабашъ; [121] Wetterhexe, Wetterkatze, Donnerkatze было обыкновеннымъ прозвищемъ вѣдьмы, [122] какъ наводящей бурю. Съ другой стороны, кромѣ вышеприведеннаго, есть и другія указанія на отношеніе кошки къ дождю. У насъ когда кошка умывается—гости будутъ, а по Нѣмецкой примѣтѣ, это на дождь. [123] Можетъ быть, сюда же нужно

---

[116] Кавелинъ, о примѣтахъ.

[117] Wolf, Beitr. I, 231.

[118] Grimm, Myth. 634.

[119] Mannh. Germ. Myth. 288 и слѣд.

[120] Grimm, Myth. 1051; Kuhn, Märk. Sag. 386.

[121] Sumlork II, 42 — 47.

[122] Gr. Myth. 1042.

[123] Wolf, Beitr. 231.

отнести слѣдующее: Въ Малоросіи на (канунѣ?) Купала, по выходѣ изъ рѣки, когда вода зайдетъ въ уши, приложивъ руки къ ушамъ, качаютъ головою вправо и влѣво, приговаривая на распѣвъ:

«Коте, коте, вылій воду на колоду;
Чи на грóмъ, чи на дощъ, чи на блискавку?»

А дѣвчата прибавляютъ:

«Чи на мене молодую, якъ на листовку (?)?»

Потомъ смотрятъ на ладони: если сухо, то это на молнію и зарницу, а если блеститъ вода, то это на дождь и грозу». [124]

Въ другихъ мѣстахъ это говорятъ во время дождя, прибавляя послѣ перваго стиха: «Выставъ роги на три стоги!» Къ чему тутъ роги, мы не понимаемъ.

д) Въ заключеніе укажемъ на двѣ сказки, изъ коихъ въ одной мачиха посылаетъ падчерицу за огнемъ къ кошкѣ въ чулкахъ, въ другой—къ Ягѣ. 1-я. Мачиха посылаетъ падчерицу въ заколдованный городъ (за́мокъ) за огнемъ. Дѣвица входитъ въ палаты и видитъ, что хозяйка, старая кошка, сидитъ на столѣ и надѣваетъ чулки. Она проситъ огня, кошка призываетъ свою прислугу — одиннадцать котовъ — приказываетъ дать дѣвицѣ огня и проводить ее безо всякаго вреда. Въ слѣдъ за тѣмъ мачиха посылаетъ туда же за огнемъ свою родную дочь. Эта смѣется надъ кошкою, что она не умѣетъ и чулковъ надѣть, и требуетъ огня. Кошка приказываетъ своимъ, слугамъ, котамъ, разорвать ее на части. [125] 2-я. Соотвѣтствующая этой Великорусской сказкѣ, [126] кажется, нѣсколько подкрашена. Въ ней Ягѣ служитъ День, Солнце и Ночь, представленные бѣлымъ, краснымъ и чернымъ всадниками. Можетъ быть, тутъ и есть въ основаніи какой ни будь древній мотивъ.

---

[124] Максим. Дни и мѣсяцы, ст. 2, 83.

[125] Valjavec 222 — 223.

[126] Аѳан. Ск. IV, 127.

10. Къ положеніямъ, которыя мы старались доказать выше, что Яга есть не только смерть человѣка и природы, но и владѣтельница ключей отъ вырья — неба, гдѣ — зародыши всего живаго, посылающая оттуда души, что, такимъ образомъ, рожденіе и смерть — проявленія одной и той же силы, прибавимъ слѣдующее. Согласно съ замѣченнымъ выше, что Морена есть вмѣстѣ и Přadlenka, что Бабою Коризмою, которую мы считаемъ за Ягу, пугаютъ молодыхъ пряхъ, что Яга и Морія смотрятъ за чистотою посуды, приводимыя ниже сказки свидѣтельствуютъ, что Яга покровительствуетъ домашнимъ женскимъ работамъ, награждаетъ добродѣтель и наказываетъ пороки дѣвицъ, что она служитъ, стало быть, божественнымъ авторитетомъ нравственности. Отсюда одинъ шагъ къ заключенію, что нравственность этой жизни имѣла вліяніе на жизнь посмертную и на возрожденіе. Можетъ быть, приводимыя сказки сами по себѣ доказываютъ это, если въ нихъ возвращеніе дѣвицъ отъ Яги есть ихъ вторичное рожденіе. Впрочемъ, этотъ вопросъ мы оставляемъ въ сторонѣ.

Варіянты слѣдующіе: А (Нѣмецк. Grimm, Märch. I, N 24), Б (Словенская, Bož. Němcové Slov. pov. 250), В (Русск. Аѳ. Ск. I, 12), Г (Серб. Караджк. Срб. прип. 178), Д (тамъ же 172).

Первая половина. А. У одной вдовы была безобразная и лѣнивая дочь, и прекрасная, прилежная падчерица. Эта падчерица каждый день садилась при дорогѣ у колодца и, по приказу мачехи, пряла такъ усердно, что кровь шла у нея изъ пальцевъ. Разъ захотѣла она обмыть окровавленное веретено съ пряжею, но уронила это веретено въ колодязь. Мачиха приказала, во что бы ни стало, достать веретено, и дѣвица бросилась за нимъ въ воду.

Б. Вдовецъ, у котораго была дочь, женится на вдовѣ Ежибабѣ (здѣсь это — нарицательное, злая баба), у которой отъ перваго брака есть своя дочь. Мачиха преслѣдуетъ падчерицу, и эта уходитъ изъ дому искать службы.

В. Какъ въ Б, но самъ отецъ, чтобы спасти дочь отъ отъ злобы мачихи, отвозитъ ее въ избушку на курьихъ ножкахъ, т. е., къ Ягѣ.

Г. Мачиха, въ отсутствіе мужа, прогоняетъ свою прекрасную падчерицу. Эта находитъ въ лѣсу избушку.

Вторая половина. А. Въ колодцѣ, куда бросилась дѣвица, подъ водою, былъ цвѣтистый лугъ, освѣщенный солнцемъ. Дѣвица пошла по этому лугу и дошла до печи. Уже выпеченный хлѣбъ въ этой печи просилъ, чтобъ она его вынула. По томъ зрѣлыя яблоки на яблонѣ просили, чтобъ она ихъ отрясла. Она исполнила то и другое. Наконецъ она пришла къ избушкѣ, откуда выглянула старуха съ большими зубами. «Не бойся, милое дитя, сказала она; останься у меня, и если будешь работать, какъ слѣдуетъ, то тебѣ будетъ хорошо. Особенно нужно тебѣ будетъ хорошо взбивать мою постель, такъ чтобы перья разлетались; отъ этого идетъ на свѣтѣ снѣгъ, по тому что я Frau Holle (Гольда). Дѣвица осталась, работала прилежно, ѣла и пила вкусно, но черезъ сколько-то времени попросилась домой. Голле повела ее къ большимъ отвореннымъ воротамъ. Когда дѣвица проходила черезъ эти ворота, пошелъ на нее проливной золотой дождь и покрылъ всю ее золотомъ. За тѣмъ Голле отдала ей упущенное въ колодязь веретено, заперла за нею ворота, и дѣвица очутилась у дома своей мачихи. Завидя ее, пѣтухъ, сидѣвшій на колодцѣ, запѣлъ: «Kikeriki! Unsere goldene Jungfrau ist wieder hie.»

Мачиха завидуетъ счастью падчерицы. Ея дочь нарочно бросаетъ веретено въ колодязь и отправляется за нимъ. На лугу ей встрѣчается то же, что и сиротѣ, но она не исполняетъ просьбы хлѣбовъ въ печи и яблоковъ на деревѣ. Въ домѣ Голле она лѣнится, такъ что хозяйка первая предлагаетъ ей ити домой. Въ воротахъ вмѣсто золота ее обливаетъ смолою, которая не смылась до вѣку. Пѣтухъ, завидя ее, поетъ: «Kikeriki! Unsere schmutzige Jungfrau ist wieder hie.»

Б. Дѣвица идетъ искать службы. На пути перекладина на рѣчкѣ проситъ, чтобъ ее переложили на другой бокъ, паршивая собака — чтобъ ее очистили, старая груша — чтобы сняли съ нея плоды, бычекъ — чтобъ его согнали съ луга, печь — чтобы выгребли изъ нея жаръ. Дѣвица исполняетъ все это, и наконецъ приходитъ къ хаткѣ въ лѣсу, гдѣ живетъ Ежи-Баба (здѣсь собственное имя, Яга, какъ видно изъ соотвѣтствія Нѣмецкой Гол-

ле). Баба принимаетъ ее къ себѣ и приказываетъ каждый день прибирать одиннадцать комнатъ, но въ двѣнадцатую не заглядывать. Разъ, когда Бабы не случилось дома, дѣвица не вытерпѣла, вошла въ 12-ю комнату и нашла тамъ одну кадь съ золотомъ, другую съ серебромъ, третью съ мѣдью. Она обмыла себѣ золотомъ волосы, руки и ноги, потомъ испугалась своего поступка и убѣжала. Баба, воротившись, увидѣла, что двери въ 12-ю комнату отворены и золото разлито по полу, схватила желѣзный гребень, сѣла на терницу (trlice, die Haufbreche) и поскакала въ погоню. Уже догоняла она дѣвицу у печи, но печь выбросила свой жаръ и сожгла Бабѣ терницу. Баба погналась пѣшкомъ и опять догоняла дѣвицу, но бычокъ задержалъ ее, потомъ груша повалилась на нее и чуть не поломала костей, наконецъ кладка подломилась подъ нею и Ежи-Баба упала по уши въ воду. «Ну, счастье твое, сказала она дѣвицѣ, что я тебя не догнала, а то этѣмъ гребнемъ я бы съ тебя содрала золото!» Когда золотоволосая дѣвица добѣжала до дому, пѣтухъ, сидя на дверяхъ, запѣлъ:

«Kukuriku
Na pantíku. [127]
Naša kňahňe
Doma ťahne,
Před ňou cink,
Za ňou Hink!»

Мачиха, завидуя падчерицѣ, посылаетъ къ Ежи-Бабѣ и свою дочь. По дорогѣ эта не слушаетъ просьбы кладки, собаки и пр. За это, когда она бѣжитъ отъ бабы, которая гонится за нею въ сапогахъ-скороходахъ, печь останавливаетъ ее, разсыпавши передъ нею жаръ, бычокъ ее бодаетъ, груша на нее валится, собака рветъ, кладка подламывается. Баба сдираетъ съ нея золото желѣзнымъ гребнемъ. Мокрая и облитая кровью падчерица насилу дотащилась до дому, гдѣ пѣтухъ ей запѣлъ:

...«Naša kňahňe
Doma ťahne,
Před ňou plúšť,
Za ňou lušť»

[127] Pant, Нѣм. Band, veřeje, železná spona u dveří.

В. Отецъ привозитъ дочь къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ: «Избушка, избушка, говоритъ онъ, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ!» Избушка поворотилась, мужикъ входитъ и видитъ, лежитъ Баба-Яга, впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ—другая «Русскимъ духомъ пахнетъ», говоритъ Яга. Мужикъ кланяется: «Баба-Яга костяная нога, я тебѣ дочку привелъ въ услуженье.»—Ну, хорошо, служи мнѣ, говоритъ Яга дѣвушкѣ; я тебя за это награжу.» Отецъ поѣхалъ домой, а Яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «Дѣвица, дѣвица, что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки. «А вотъ, говорятъ, ты на всякое веретенце по ниточкѣ напряди.» Пришла Баба Яга, а у дѣвушки все готово. «Ну, теперь поди вымой меня въ банѣ!» Похвалила Яга дѣвушку и надавала ей разной сряды.. А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь. Пріѣзжаетъ мужикъ и видитъ, что дочь богатая пребогатая стала. Яги не было дома, онъ и взялъ дочь съ собой. Подъѣзжаютъ къ дому, а собачка такъ и рвется: «Хамъ, хамъ, хамъ! Барыню везутъ, барыню везутъ.» Мачиха выбѣжала, да скалкой собачку: «Врешь, говоритъ, скажи: въ коробѣ косточки гремятъ!»

Мачиха посылаетъ и свою дочь туда же. Дѣвка не послушалась совѣта мышей, прибила ихъ съ досады, работы не сдѣлала. Яга ее простила разъ, а въ другой разъ изломала, да косточки въ коробъ и склала. Отецъ поѣхалъ навѣдаться и везетъ назадъ этѣ косточки. Собака на крылечкѣ лаетъ: «Хамъ, хамъ, хамъ! Въ коробѣ косточки гремятъ!» А мачиха бѣжитъ со скалкой: «Врешь, говоритъ, скажи: барыню везутъ.»

Г. Сирота приблудила къ избушкѣ въ лѣсу. Входитъ—изба неприбрана, огонь на очагѣ развалился и догараетъ. Вотъ она подмела избу, поправила огонь и подложила дровъ, сѣла и ожидаетъ. Вечеромъ подулъ вѣтеръ, затрещали деревья въ лѣсу и вошла Ала (змѣя, наводящая облака). «Здѣсь есть райская душа! Выйди, райская душа, я тебѣ ничего не сдѣлаю.» Дѣвица вышла. «Прибрала ли ты мою избу? Подложила ли дровъ на огонь?»—Да.»—«Хорошо, теперь поищи мнѣ немного въ головѣ!»—Ала по-

ложила дѣвицѣ голову на колѣни, а въ головѣ этой черви кишатъ, вонь отъ нея, какъ отъ рака (болѣзни). «Воняетъ ли моя голова, дѣвица?»—«Нѣтъ, мать, она пахнетъ, какъ смиль» (gnaphalium arenarium). На другой день, уходя изъ дому, Ала приказала дѣвицѣ накормить птицу и скотъ. Стала дѣвица сзывать птицу, но, Боже! слетѣлись совы, филины, вороны; сбѣжались: волки, лисицы, язвецы, тхори и сколько ни есть у Бога звѣрей. Дѣвица ихъ хорошо накормила, и все это разошлось.

Черезъ нѣкоторое время Ала сказала дѣвицѣ: «Коли хочешь, иди домой, а за свою службу возьми себѣ одинъ изъ этихъ сундуковъ!» Дѣвица, по скромности, взяла самый легкій. Дома открываетъ сундукъ, а въ немъ одни червонцы.

Мачиха прогнала и свою родную дочь въ лѣсъ за сундукомъ червонцевъ. Пришла она въ ту же избу, но не захотѣла ее подметать и огня не поправила. Ввечеру съ вѣтромъ пришла Ала: «Райская душа! Что же ты огня моего не поправила и избы моей не подмела?» А та: «Я и у себя дома хаты не мела.» — «Хорошо, хорошо. Ну такъ поищи мнѣ въ головѣ!» Глянула дѣвица на голову и стала отплевываться: «Тфу, что за вонь! ей Богу я тебѣ не буду искать въ головѣ.» На другой день Ала приказала накормить птицу и скотъ; но дѣвица, увидѣвши, что это за птица, взяла палку, да кому ногу, кому крыло перебьетъ, и разогнала всѣхъ. Послѣ этого Ала отправляетъ ее домой и позволяетъ взять одинъ изъ сундуковъ. Дѣвица беретъ самый тяжелый. Дома она вдвоемъ съ матерью открыла сундукъ, но изъ него выскочили двѣ змѣи, и выпили имъ очи. «Какова жизнь, такова и смерть», заключаетъ разскащикъ.

Д. Соотвѣтствующая приведеннымъ сказка приставлена къ сказкѣ о Братцѣ и Сестрицѣ, изъ одного круга со сказкой объ Ивасѣ и Вѣдьмѣ и пр. Сшивка видна въ томъ, что какъ въ первой половинѣ, приведенной выше, дочь мачихи, такъ въ нижеслѣдующей братецъ, есть совершенно лишнее лицо.

Братецъ и сестрица приблудили ко ключу, у котораго сидѣла какая-то женщина. «Дочь, говоритъ эта женщина, дай, я положу тебѣ голову на колѣни, а ты мнѣ поищи!» Сестрица стала ей искать въ головѣ и со слезами разсказываетъ про свою

горькую долю. Подъ конецъ говоритъ она: «Мать, какъ пахнетъ твоя голова!» Тогда жена встала: «Куда бы ты ни ходила, пусть всюду будетъ тебѣ на пути счастье! [128] когда заплачешь, пусть жемчугъ идетъ тебѣ изъ очей, вмѣсто слезъ; когда заговоришь, пусть золотая роза падаетъ тебѣ изъ устъ за каждымъ словомъ!»

Мачиха, завидуя жемчугу и розамъ падчерицы, уговорила кое-какъ и свою дочь отправиться ко ключу. Тамъ еще сидѣла та женщина. «Вотъ эта баба, Богъ бы ее убилъ!» проворчала про себя дочь, напилась воды и сѣла, какъ ей было сказано. Женщина проситъ поискать у нея въ головѣ.— «Давай, только Богъ знаетъ, какая у тебя голова,» — и стала плакать; — «я бы и не пришла, еслибы мать меня сюда не прогнала.» — Тогда жена посмотрѣла на нее, и сказала: «Пусть она плачетъ только кровавыми слезами, а когда заговоритъ, пусть прыщетъ и плюетъ, такъ чтобы люди не могли ее слушать!» [129]

Варіянтъ А облегчаетъ пониманье остальныхъ. Мы уже упомянули, что Нѣмецкая сказка представляетъ доказательства того, что Гольда есть существо не земное, а небесное. Колодязь, въ который попадаетъ дѣвица, ведетъ не внизъ, а вверхъ, на лугъ, освѣщенный солнцемъ, въ страну, откуда идетъ снѣгъ на землю. Этотъ колодязь есть облако, скрывающее свѣтлыя воздушныя пространства. О значеніи двоихъ воротъ, также уже говорено по поводу Моравской пѣсни о небесной ключницѣ.

Въ Варіянтѣ Б колодцу Гольды соотвѣтствуетъ рѣчка съ перекладиной. За этой рѣчкой начинается служба дѣвицы, только

---

[128] Кудгодъ ходила, сретьна била.

[129] Противопоставленіе доброй падчерицы и злой дочери или, какъ говоритъ Русская сказка, дѣдовой и бабиной дочкѣ, принадлежитъ къ числу найболѣе распространенныхъ и, значитъ, найболѣе любимыхъ мотивовъ народной сказки. Кромѣ приведенныхъ, мы можемъ указать еще на нѣсколько подобныхъ сказокъ, въ которыхъ вмѣсто Яги—Гольды являются то другія чудесныя существа, то люди: въ Нѣмецкихъ—drei Haulemämurchen, т. е., Höhlenwaldmannlein (Grimm. März I, N 13, 40), Святой Іосифъ (тамъ же II, 465), заколдованный принцъ (тамъ же 334), въ Хорут.— Богъ въ раю, въ видѣ старика (Valjavec 231), четыре вѣтра (тамъ же 221), въ Русск. — морозъ (Аѳ. IV, 118, 123), лѣшій (тамъ же 126), въ Сербск. — переодѣтый царевичъ (Карадж. Прип. 167) и пр.

до рѣчки гонится Ежи-Баба за дѣвицей. Ту же небесную рѣку, видимъ въ рѣчкѣ, черезъ которую въ вышеприведенной сказкѣ о Гензель и Гретель переправляетъ дѣтей уточка, и въ воздушномъ пространствѣ, черезъ которое переноситъ Ивася гусь-лебедь. Оба разряда сказокъ сходны въ томъ, что въ нихъ Ивась или сирота дѣвица попадаютъ на небо, но расходятся въ изображеніи властвующаго тамъ существа: въ сказкѣ объ Ивасѣ и др. подобныхъ, это существо грозное, пожирающее дѣтей, а въ только что приведенныхъ варіянтахъ А, Б, В, Г, хотя и страшное по наружности, но, по крайней мѣрѣ, въ варіянтахъ А, В, Г, доброе, награждающее гонимую сироту.

Въ варіянтѣ Б, В, Г избушка Ежи-Бабы, Яги, Алы стоитъ въ лѣсу, при чемъ въ двухъ послѣднихъ о водѣ вовсе не упоминается. Лѣсомъ представляются тоже облака.

Варіянтъ Д важенъ въ двоякомъ отношеніи: во первыхъ, женщина, надѣляющая дѣвицу чудесными дарами, сидитъ у ручья, что̀ служитъ однимъ изъ Славянскихъ указаній на стихійную основу характера Яги; во вторыхъ, эта женщина представляется душистоволосою, по видимому прекрасною, что свидѣтельствуетъ о двойственномъ представленіи наружности Яги. Что точно варіянтъ Д принадлежитъ къ одному разряду съ четырьмя первыми, и что, стало быть, душистоволосая женщина есть одно лицо съ безобразною Ягою, въ томъ увѣряютъ двѣ черты, которыя встрѣчаются и въ другихъ сказкахъ того же разряда: исканье въ головѣ есть и въ Нѣмецкомъ варіянтѣ (Gr. Märch. III, 41), гдѣ служба дѣвицы состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобы каждый день искать въ головѣ вѣдьмъ (т. е., Гольдѣ) и, ея домашнимъ животнымъ, медвѣдю и обезьянѣ; въ другомъ Нѣмец. (тамъ же 42), гдѣ дѣвица расчесываетъ косматую голову Никсы (родъ водянаго существа, Русалки, живущей въ колодязѣ); въ Сербск. варіянтѣ Г, гдѣ дѣвица исчетъ въ головѣ Алѣ; въ Бѣлорусской нижеприводимой сказкѣ, мать похищеннаго Вѣдьмою-Ягою ребенка чешетъ эту послѣднюю. Дары дѣвицѣ, именно жемчугъ вмѣсто слезъ и золотыя розы за каждымъ словомъ, тоже въ нѣсколькихъ однородныхъ сказкахъ, въ коихъ главное лицо, по мнѣнію Мангарта, или замѣнило Гольду, или, какъ карлики-Эльбы, находится съ

нею въ тѣснѣйшей связи. [130] По поводу женщины у ключа въ варіянтѣ Д укажемъ здѣсь на Чешскія повѣрья о Бѣлой Пани (Bílá Paní; иные называютъ ее Panna Maria), о которыхъ, впрочемъ, не смѣемъ утверждать, чтобъ они не были заимствованы отъ Нѣмцевъ. Била Пани появляется изъ колодца, говоритъ съ дѣтьми, пасущими коровъ у этого колодца, и снова въ немъ исчезаетъ. Разъ видѣли люди, что изъ одного колодца вышелъ цѣлый поѣздъ (průvod) на луга, потомъ опять воротился въ колодязь. Объ одномъ колодцѣ разсказываютъ, что въ немъ почти каждый годъ топится одна дѣвица, та, которую призоветъ къ себѣ Била Пани. У одной вдовы была дочь четырнадцати лѣтъ. Разъ мать замѣчаетъ, что дочь что-то печальна, спрашиваетъ о причинѣ. Дѣвочка отвѣчаетъ: «Била Пани сказала мнѣ, что черезъ три дня я должна умереть въ колодцѣ.» Мать приказала забить досками этотъ колодецъ, но въ назначенное время дѣвочку нашли мертвую на этѣхъ доскахъ. И взрослымъ женщинамъ Била Пани показывается передъ смертью. [131] Т. е., Била Пани, живущая въ колодцѣ, есть смерть. За одно лице съ нею можно бы счесть и слѣдующія существа: «Чешскій людъ порою видитъ лѣтомъ Мраченку, выходящую изъ колодца того же имени (v okolí Chlumeckém), а по всей Чешской землѣ видятъ, что Баба выходитъ изъ колодязя того же имени (или и нѣсколько Бабъ изъ колодцевъ другихъ именъ) и возносится къ облакамъ. Говорятъ, что этѣ бабы принесутъ влагу, окропятъ землю и дадутъ урожай.» [132] Слав. Mračenka, отъ mrak, mračno, туча; Слав. baby, babky значитъ дождевыя облака. Эти послѣднія слова мы бы объяснили существованіемъ человѣкообразнаго миѳическаго сѣщества—Бабы, имѣющаго отношеніе къ облаку, но Юнгманъ говоритъ: «Baba, названіе разныхъ горъ въ Славянскихъ земляхъ и скалы подъ Прагою; отсюда baby—облака, подобныя скаламъ.» Такъ ли это?

Въ варіянтѣ Нѣмецкой сказки А [133] Frau Holle живетъ въ пирожной избушкѣ (Pfannkuchenhäuschen), подобно вѣдьмѣ (Голь-

---

[130] Mannh. Germ. Myth 429 и слѣд.

[131] Sumlork. II, 410, 412, 413, 474; 484, ср. тамъ же 563.

[132] Sumlork II, 412.

[133] Grimm, März. III, 40.

дѣ) сказки о Гензель и Гретель. Эта черта есть и въ Русской сказкѣ [134] того же разряда, что и Нѣм. А: «избушка на курьихъ ножкахъ, пирогомъ подперта, блиномъ покрыта, стоитъ перевертывается.» Эта избушка, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Ягѣ (которая замѣнена въ сказкѣ Лѣшимъ, на томъ основаніи, что и Лѣшій, какъ Яга, живетъ въ лѣсу) и есть, вѣроятно, символъ царствующаго у нея на небѣ изобилія. Подобнымъ образомъ въ Великорусской сказкѣ [135] старикъ, взлѣзши по капустному кочешку на небо, видитъ: «стоятъ жо́рновцы; жорновцы поворотятся — пирогъ да шаньга, наверхъ—каши горшокъ.» Въ Бѣлорусской свадебной пѣснѣ: «Были мы у Бога, видзили тамъ пироговъ много. А не всё жъ тутъ пироги: есть тутъ баранчики и салодки прянички.» [136]

Въ варіантѣ А (и другихъ Нѣмецкихъ) [137] и Б дѣвица на пути къ Гольдѣ — Ежи-Бабѣ дѣлаетъ добро разнымъ предметамъ, которые за то часто помогаютъ ей при побѣгѣ, частью, не имѣя такого явственнаго вліянія на ея судьбу, располагаютъ въ ея пользу богиню, точно такъ, какъ и исполненіе разныхъ работъ по хозяйству въ домѣ этой послѣдней. Въ обоихъ случаяхъ эти предметы, по указанію варіян. А и Б, встрѣчаются дѣвицѣ уже во владѣніяхъ Гольды-Яги (на днѣ колодца, за рѣчкою), принадлежатъ хозяйству ея, относятся къ ней, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, какъ принадлежности, но, не смотря на это, дѣйствуютъ самостоятельно, по видимому, на перекоръ ей. Эта самостоятельность по отношенію къ Ягѣ даже ея прежнихъ животныхъ образовъ ясно видна изъ слѣдующихъ сказокъ Е (Аѳ. I, 92) и Ж (тамъ же 13), которыя, впрочемъ, по основнымъ чертамъ (похищеніе ребенка вѣдьмою, отправленіе сироты мачихою на съѣденье къ Ягѣ), должны быть отнесены не сюда, а къ одному разряду съ сказкою объ Ивасѣ.

Е. Жили три сестры, и у каждой было по ребенку. Разъ пришли къ старшей вѣдьмѣ просить заступа. Та пошла за засту-

---

[134] Аѳ. Сказ. IV, 126.

[135] Тамъ же 26.

[136] Терещ. Б. Р. Нар. II, 470.

[137] Germ. Märch. III, 90—91.

помъ, но воротившись не нашла ни вѣдьмы, ни своего ребенка. Побѣжала она по дорогѣ и спрашиваетъ у рябины: «Рябинка, рябинка! не видала ль ты вѣдьмы съ ребенкомъ?» «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу.» — «Нѣту времени,» отвѣчаетъ мать и идетъ дальше. Потомъ яблоня и груша просили очистить ихъ, корова — выдоить ее, квашня — замѣсить въ ней тѣсто, колодецъ — накрыть его. Мать всѣмъ отказала и прибѣжала къ избушкѣ. Входитъ, а тамъ сидитъ старая вѣдьма, въ печи на огнѣ кипитъ смола, а на припечкѣ лежитъ ребенокъ. «Зачѣмъ кипитъ смола?» спрашиваетъ мать. — «Хочу сварить твое дитя», отвѣчаетъ вѣдьма. Мать стала просить. «Почеши мнѣ голову!» говоритъ вѣдьма. Мать только что расправила ей волосы, какъ смола побѣжала черезъ край горшка. Вѣдьма приказываетъ отставить горшокъ. Мать бросаетъ ей на голову, схватываетъ дитя и убѣгаетъ. Котъ продралъ вѣдьмѣ глаза, и она пустилась въ погоню. Квашня, колодецъ, корова, груша, яблоня и рябина показали ей дорогу, она догнала мать и разорвала ребенка на части.

На другой день то же случилось со среднею сестрою, на третій день съ младшею-дурочкою. Дурочка исполнила просьбу рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни, и отъ деревьевъ получила за то плоды, отъ коровы — кринку молока, отъ колодца — воды, отъ квашни — хлѣбъ. Она залила вѣдьму смолою, но убѣгая бросила коту всѣ полученные ею припасы. «Котъ, продери очи!» кричитъ вѣдьма. — «Постой, съѣмъ хлѣбъ!» Съѣлъ хлѣбъ, вѣдьма опять кричитъ: «Котъ, продери очи!» — «Подожди, съѣмъ молоко!» и т. д. Пока онъ собрался продрать вѣдьмѣ очи, мать съ ребенкомъ была уже дома.

Ж. Злая мачиха говоритъ дѣвочкѣ: «Поди къ своей теткѣ, моей сестрѣ, попроси у нея иголочку и ниточку, тебѣ рубашку сшить!» А тетка эта была Баба-Яга костяная нога. Дѣвочка зашла сначала къ своей родной теткѣ, та ее и научила, какъ быть. Пришла дѣвочка къ хаткѣ, а въ хаткѣ сидитъ Баба-Яга костяная нога и ткетъ. «Здравствуй, родимая! Меня матушка прислала» и пр. «Хорошо, садись покуда ткать!» Дѣвочка сѣла за кросна, а Яга вышла и говоритъ своей работницѣ: «Истопи баню, да вымой племянницу: я хочу ею позавтракать.» Дѣвочка услышала и проситъ работницу: «Родимая моя, ты не столько дрова

поджигай, сколько водой заливай, решетомъ воду носи», [138] и дала ей платочекъ. Баба Яга дожидается, подойдетъ къ окну и спрашиваетъ: «Ткёшь ли, племянушка, ткешь ли, милая?»—«Тку, тетушка, тку, милая!»—А дѣвушка дала коту ветчинки и спрашиваетъ: «Нельзя ли какъ ни будь уйти?»—«Вотъ тебѣ гребешокъ и полотенце, говоритъ котъ; когда будетъ гнаться Яга, брось полотенце — сдѣлается широкая рѣка, потомъ гребешокъ, станетъ дремучій лѣсъ, сквозь него ужь она не проберется.» Дѣвочка побѣжала. Собаки хотѣли ее рвать — она бросила имъ хлѣба; ворота хотѣли захлопнуться — она подлила имъ подъ пяточки маслица; березка хотѣла ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала. А котъ сѣлъ за кросна и ткетъ: не столько наткалъ, сколько напуталъ. Яга подходитъ къ окну спрашиваетъ: «Ткешь ли, племянушка?» и пр.—«Тку, тетка, тку, милая!» отвѣчаетъ грубо котъ. Баба увидѣвши, что дѣвочка ушла, давай бить кота и ругать, за чѣмъ не выцарапалъ дѣвочкѣ глазъ.—«Я тебѣ сколько служу, говоритъ котъ, ты мнѣ косточки не дала, а она мнѣ ветчинки дала.»—Баба накинулась на собакъ, на ворота, на березку, на работницу. Собаки говорятъ: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ горѣлой корки не бросила, а она намъ хлѣбца дала;» ворота говорятъ: «Мы тебѣ сколько служимъ, ты намъ водицы подъ пяточки не подлила, а она намъ маслица подлила»; береза говоритъ: «Я тебѣ сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала;» работница говоритъ: «Ты мнѣ тряпочки не подарила».

Въ этой послѣдней сказкѣ прямо говорится, что вещи и лица, которымъ дѣвица дѣлаетъ добро, служатъ Ягѣ. Объ основаніяхъ, по которымъ можно считать кота не только слугою Яги, какимъ онъ представляется въ сказкѣ Е и Ж, но и однимъ изъ ея животныхъ образовъ, говорено выше. Въ варіантѣ В мыши оказываютъ дѣвицѣ важную услугу. Что мышь есть частью образъ самой Яги, частью образъ душъ, находящихся у Гольды,

---

[138] Въ сходной съ этою сказкѣ (Эрленвейна, Народ. ск. Москва, 1863, стр. 44) Яга заставляетъ дѣвицу баню топить, решетомъ воду таскать. Прилетаетъ сорока, объ отношеніи коей къ Ягѣ см. выше, и совѣтуетъ замазать рѣшето глиной. Въ ск. Худяк. вар. ск. I, 50 такой же совѣтъ подаетъ воробей.

объ этомъ тоже говорено. Мыши въ варіантѣ В совѣтуютъ дѣвицѣ на каждое данное Ягою веретено напрясть по ниточкѣ. Такимъ же самымъ образомъ исполняется, по Нѣмецкому повѣрью, задача, данная пряхѣ Бертою. Въ видѣ собакъ, которыхъ встрѣчаемъ у Яги въ сказкѣ Б и Ж, очень часто представляются въ Германской миѳологіи души, окружающія Frau Gode - Rose, т. е., Гольду. [139]

Въ сказкѣ Г дѣло дѣвицы состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобъ кормить «живину,» т. е., домашній скотъ и птицу Алы — Яги. Хотя эта живина состоитъ изъ всѣхъ звѣрей и птицъ, какіе ни есть, но во всѣхъ ихъ можемъ видѣть души, находящіяся во власти богини. Такое тождество духовнаго начала въ животныхъ и людяхъ, извѣстное изъ другихъ источниковъ, подтверждается и тождествомъ обители душъ человѣческихъ и вырья, той страны, куда на зиму улетаютъ птицы.

Въ Б говорится, что Ежи - Баба гонится за дѣвицею съ желѣзнымъ гребнемъ и верхомъ на терницѣ, изъ чего видно, что Ежи - Баба дома треть и чешетъ конопли. Въ сказкѣ Ж Яга тчетъ. То и другое согласно съ тѣмъ, что какъ Гольда - Берта, такъ и Слав. Смерть, Гвоздензуба, Баба корнями прядутъ.

Въ заключеніе приводимъ мнѣніе Маннгарта объ общемъ смыслѣ сказокъ одного разряда съ А — Д.

«Въ царство мертвыхъ, принадлежащее Гольдѣ, попадаютъ двѣ души, добрая и злая, и немедленно начинаютъ дѣйствовать въ явленіяхъ природы соотвѣтствующихъ ихъ нравственнымъ свойствамъ.» Добрая душа выходитъ на свѣтъ черезъ золотыя ворота (въ которыя, по Нѣмецкимъ пѣснямъ, восходитъ солнце). Она становится солнечнымъ лучомъ, по тому что такимъ образомъ можно объяснять ея золотыя волоса, платье, или золото и розы, которыя падаютъ у нея изъ устъ, или разсыпаются подъ ногами. Ср. пословицу, «Morgenstunde hat Gold im Munde», и Гомерову розоперстую зарю. Злая душа, выходящая въ смоляныя ворота, облитая смолою, выплевывающая (по Нѣмецкой сказкѣ) за

---

[139] Mannh. Germ. Myth. 300, 730.

каждымъ словомъ змѣй и лягушекъ, дѣйствуетъ въ природѣ, какъ градъ, или дождь [140] Впрочемъ, намъ кажется, что, судя по сказкамъ объ Ивасѣ и др. подобныхъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ варіянтахъ, возвращеніе дѣвицъ понималось не какъ появленіе ихъ людямъ въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ природы, а какъ дѣйствительное возвращеніе на свѣтъ, можетъ быть, какъ рожденіе въ новомъ тѣлѣ, съ добродѣтелями и пороками, внѣшними достоинствами и недостаткамп, составляющими награду и наказаніе за прежнюю жизнь. Въ промежуткѣ между приходомъ души къ богинѣ и наградою, или наказаніемъ, которыя Маннгартъ принимаетъ за проявленіе душъ въ явленіяхъ природы, дѣвица (душа) совершаетъ разныя работы, которыя тоже нужно бы считать за проявленія въ природѣ Дѣйствительно, такое отношеніе къ извѣстнымъ явленіямъ природы видно, на пр., въ перебиваньи пуховика Гольды, вѣроятно — въ чесаньи Яги; но въ другихъ работахъ (одинаковыхъ въ Русскихъ и Нѣмецкихъ сказкахъ, слѣдовательно, внесенныхъ въ сказку еще до раздѣленія племенъ), на прим., трясеньи и очищеніи плодовыхъ деревьевъ, въ печеньи хлѣба, или выгребаньи жару изъ печи, такое отношеніе открыть трудно. Этимъ хотимъ сказать не то, что сказки этѣ не образовались изъ стихійныхъ миѳовъ, а только то, что стихійныя черты уже въ глубочайшей древности затемнены чертами нравственными, что уже очень давно цѣль этѣхъ сказокъ состояла въ изображеніи не связи между явленіями природы, а отношеній человѣка къ человѣкообрачному божеству.

11. Въ слѣдующей Малорусской сказкѣ, по всему, принадлежащей къ одному р зряду съ вышеприведенными сказками о Гольдѣ, Ягѣ, Алѣ (варіянты А — Г), встрѣчаемъ новую, странную животную форму Яги, кобылью голову:

«Якъ бувъ дѣдъ та баба, та у ихъ було двѣ дочки, одна дѣдова, а друга бабина. Отъ баба й навъязалась на дѣда: «Де хочешъ, тамъ дѣнь свою дочку!».. Дѣдъ запрѣгъ кобилу, посадивъ дочку на вôзъ, та й поѣхали. Ѣдуть лѣсомъ, ажъ стоитъ хатка на курячѣй нôжцѣ. Дѣдъ повѣвъ дочку у хату: «Оставайся жъ, доню,

---

[140] Тамъ же 438 и слѣд.

тутъ, а я пôду, дровець нарубаю. А самъ поѣхавъ, тôлько привъязавъ колодочку до вôконници. Колодочка стукне, а дочка й каже: «Се мôй батенько дровця рубає» (ср. Нѣмецк. о Гензель и Гретель). Коли стукотить, гуркотить кобиляча голова: «Хто въ моéй хатѣ? Одчини!» Дѣвчина одчинила. «Дѣвчино, дѣвчино, пересадь черезъ порогъ!» Вона пересадила. «Д., д., постели менѣ постéль!» Вона й постлала. «Д., д., положи мене на пôлъ!» Вона положила. «Д., д., укрый мене» (въ другомъ варіянтѣ: «Давай вечерять,» «Говори казокъ»)! Вона укрыла. «Д., д., улѣзь менѣ у праве ухо, а у лѣве вылѣзь!» Дѣвчина якъ вылѣзла зъ уха, такъ така хороша, що кращої не має. Заразъ стали лакеи, и кони, и каляска: вона сѣла та й поѣхала до батька.» [141]

По настоянію бабы дѣдъ отвозитъ въ лѣсъ и ея дочку. «Стукотить, гуркотить кобиляча голова: «Хто въ моéй хатѣ? Одчини!» — «Не велика пани́, й сама одчинишъ.» Голова й вôдчинила. «Дѣвчино, дѣвчино, пересади мене черезъ порôгъ!» «Не велика пани́, й сама перелѣзешъ.» (Одинъ отвѣтъ на все). Кобиляча голова схопилась, зъѣла бабину дочку, та кôсточки у мѣшочку й повѣсила. Отъ собачка прибѣгла до баби та й бреше: «Гавъ, гавъ! дѣдова дочка якъ панночка, а бабиної дочки у торбинцѣ кôсточки!» Що прожене éё баба, то вона впьять (ср. Нѣмецкую, Чешскую, Русскую сказку о Ягѣ-Гольдѣ). Тôлько баба й говорить дѣдовѣ: «Поѣдь, та подивись, що тамъ зъ моєю дочкою робитця!».. [142]

---

[141] То же свойство имѣютъ въ сказкахъ и другіе чудесные кони, и это, быть можетъ, слѣдуетъ отнести къ числу указаній на ихъ родство съ Ягою. Ср. Аѳ. II, 75; IV, 144. Кобылья голова, въ которой можно напиться, наѣсться, одѣться и вообще добыть все, что нужно, напоминаетъ тѣ золотыя, серебряныя и мѣдныя яичка, въ которыя въ разныхъ сказкахъ превращаются палаты царевенъ. Помнится, въ одномъ Исландскомъ сказаніи говорится, что одинъ человѣкъ, заблудившись ночью, увидѣлъ освѣщенный и наполненный людьми дворецъ и переночевалъ тамъ. Утромъ оказалось, что это баба-кобылья голова. Въ Словенской сказкѣ герой, превращенный въ жука, прячется въ кобылью голову (Němc. Slov. pov. 14); въ Русской кобылья голова — теремокъ мышки (Аѳ. III, 63). Если кобылья голова — Яга-Гольда-туча, и если туча — обитель душъ, то понятно, по чему кобылья голова можетъ представляться теремомъ, палатами душъ не только принявшихъ животный образъ жука, мыши и т. п., но и человѣкообразныхъ.

[142] Аѳ. Ск. IV, 176.

Другимъ подтвержденіемъ тождества Яги и кобыльей головы служитъ то, что около того времени, когда появляется въ Сербіи и другихъ мѣста баба Коризма, Дѣдова Баба, Покладня Баба, въ Дубровникѣ и Княжествѣ Сербіи ходитъ по улицамъ Турица, существо съ кобыльей головою: «У Дубровнику Чороє, Вила и Турица ишли су за времена Републике узъ месоѣде, као машкаре. Чороє є имао халину чупаву (косматое платье), по коёй су били испришивани коекаки репови (хвосты), а найвише лисичи (ср. Чешск. liščí neděli, 1-ая недѣля Великаго Поста), на лицу образину, а у руци зелену гранчицу, или киту цвіетя.» Вила — въ женскомъ бѣломъ платьѣ. «У Турице, коя є била као найглавнія медю нима, ніе се людска глава ни видѣла, него с више не на дугачкоме чупавоме врату била коньска съ великіемъ зубима, коя є тако начинена, да су се уста одоздо могла ласно отворати и затворати, те є све клоцала; а ноге є имала чупаве и на дну као у тице. Уза нихъ є ишао човѣкъ єданъ съ бубнемъ, те є у нь єднако ударао. Они су излазили први путъ на Сретеніе (2 Февраля) и потомъ свакога свеца до часнога поста. Идути по улицама, гдѣ што би се уставляли, те су Вила и Чороє играли (плясали), а Турица є єднако клоцала своіемъ зубима.»[143] «Клоцалица, machina lignea, caput equinum praesentans, Оваку є главу имао у Дубровнику Чороє, а я (В. С. Караджичъ) самъ и у Пожаревцу 1807 године узъ месоѣде у двору Кнеза Милоша гледао, гдѣ се момци играю съ овакомъ клоцалицомъ. Єданъ се обуче одъ прилике као Чороє, да му се людско ништа не види, па нѣмъ горе клоца и плаши жене и дѣцу.»[144] Если въ этихъ извѣстіяхъ нѣтъ ошибки, то изъ нихъ видно, что и въ самомъ Дубровникѣ Чороє, съ платьемъ, увѣшаннымъ лисьими хвостами, представляется то лицемъ отдѣльнымъ отъ Турицы — кобыльей головы, то тождественнымъ съ нею. Распутать этого мы не можемъ.

Въ Великороссіи «есть обыкновенье, что съ окончаніемъ (можетъ быть началомъ?) весны одинъ изъ мужчинъ наряжается кобылою и пугаетъ ребятишекъ. Это дѣлается для того, чтобъ они

---

[143] Карадж. Рѣчн. Чороє.

[144] Карадж. Рѣчн. Клоцалица.

боялись своихъ отцовъ и матерей, и когда они заплачутъ, или не слушаются, тогда стращаютъ: «Вотъ прійдетъ кобыла!» Пугаютъ еще для того, чтобы ребятишки не просили скоромнаго въ постные дни» (точно такъ, какъ Коризмою и Бабою-Ругою). [145] Большая разница во времени появленія кобылы и Серб. Клоцалицы заставляетъ предполагать или ошибку въ Русскомъ извѣстіи, или же, что кобыла появляется не только передъ Великимъ Постомъ, но и въ другое время, какъ Марена на Купала. На основаніи принятаго выше тождества Яги и Марены и указываемаго этимологіею сродства Марены, Смерти и Мары, Моры, привидѣнія, давящаго во снѣ, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь свидѣтельство объ томъ, что не только Яга, но и Мара представляется лошадью: Одинъ человѣкъ, котораго во снѣ давила Мора, думая избавиться отъ нея, сѣлъ на свою бѣлую лошадь и поѣхалъ изъ дому, куда глаза глядятъ. Остановился онъ ночевать у портного: «Дай, говоритъ, не засну ли я покойно при тебѣ, пока ты еще шьешь?» Какъ только заснулъ, такъ и сталъ стонать: его опять давила Мора. Хозяинъ, замѣтивши, что по гунѣ, которою покрылся гость, мечется клокъ бѣлой шерсти, перерѣзалъ этотъ клокъ ножницами. Тогда гость заснулъ спокойно, но на утро нашелъ своего коня въ конюшнѣ мертвымъ. Выходитъ, портной, перерѣзавши клокъ шерсти, убилъ лошадь — мору [146]

---

[145] Терещ. Б. Р. Нар. V, 18.

[146] Карадж. Рѣчн. Мора Есть много Славянскихъ и Германскихъ народныхъ сказаній о Марахъ (Нѣм. die Mâr, Trude) и вѣдьмахъ, которыя по ночамъ мучатъ лошадей, заѣзживая ихъ иногда до смерти. Если вѣрно мнѣніе, что сказанія эти образовались изъ представленія тучи, воображаемой кобылою, гонимой вѣтромъ, существомъ мужскимъ, которое представлялось ѣдущимъ на тучѣ - кобылѣ, и, стало быть, что первоначально incubus только мужескаго пола (Mannh. Mythen, 713 — 714), то въ приведенномъ Сербскомъ сказаніи нужно допустить двоякое искаженіе первоначальнаго миѳа: туча-кобыла замѣнена человѣкомъ, а инкубусъ (существо, сродное съ вѣтромъ) представленъ въ видѣ тучи-кобылы. Въ слѣдующемъ извѣстіи, вытекающемъ изъ мутнаго источника, но въ которомъ можетъ быть нѣкоторая доля истины, лошадиная Мара имѣетъ полулошадиную форму и распадается на два существа: одно, покровительствующее лошадямъ, другое, имъ враждебное. Въ Бѣлой Руси у каждаго хозяина есть свой Вазила (иначе Коньчак., Хлѣвникъ,

Если сближеніе кобылячей головы Малорусской сказки съ Сербской и Великорусской и не вѣрно, то все же, на основаніи Малороссійской сказки о кобылячей головѣ, мы допускаемъ, что Яга имѣла нѣкогда форму кобылы. Такой животный образъ предполагается и тѣмъ, что въ слѣдующихъ сказкахъ Бабины (Ягины) кобылы оказываются ея дочерьми.

Варіянты: А. Серб. Златна јабука и девет пауница, Караджк. Припов. 18; Б. Чешской O třech holubicích, Kuldy Poh. a pov. nár. Мог. 108 и слл.; В. Великорусской Ѳедоръ Тугаринъ и Анастасія Прекрасная, Аѳ. I, 70; Г. Словенской O slunečníku,

---

Висусникъ, табунникъ), существо съ человѣческимъ туловищемъ, въ человѣческомъ платьѣ, но съ лошадиными копытами на рукахъ и ногахъ, покровительствующее лошадямъ, Вазила пасетъ и охраняетъ табунъ отъ звѣря, привозитъ на себѣ траву, отъ которой лошади ростутъ и крѣпнутъ. Къ его символу — костяку лошадиной головы, на шестѣ, воткнутомъ посерединѣ ночлега, сбѣгаются лошади въ случаѣ опасности, по тому что къ этой головѣ не смѣетъ подойти ни звѣрь, ни Кумельчанъ. Кумельчанъ (слово, похожее на Литовское kumẽle, кобыла, но, по мнѣнію Г. Древлянскаго, сходное съ Британскимъ ку́мель, ка́мель, нижняя часть туловища животнаго (?), заднія ноги, лапы; кумельчанить, стоять на заднихъ лапахъ: «собака служить якъ кумельчанъ»), существо съ человѣческимъ туловищемъ, покрытымъ лошадиною шерстью, съ лошадиною головою и такими же копытами на рукахъ и ногахъ, враждебное Вазилѣ. Кумельчанъ, пользуясь минутною неосмотрительностью Вазилы, ранитъ и портитъ лошадей, подмѣшиваетъ имъ въ кормъ ядовитыя растенія, отгоняетъ лошадей отъ табуна въ лѣсъ, отводитъ жеребятъ отъ кобылъ и оставляетъ ихъ звѣрю. Въ табунъ закрадывается подъ видомъ лошади, принимая на себя какую угодно масть. Въ хлѣву вспрыгиваетъ по очереди на каждую лошадь и мучитъ, пока она не упадетъ замертво, откуда ругательство погонщиковъ лошадямъ: «А штобъ на табѣ Кумельчанъ ѣздзивъ, а не добрые людзи!» Если Вазила застанетъ Кумельчана въ хлѣву, то бьетъ его безпощадно, при чемъ слышенъ ужасный топотъ «(Древлянскій, Бѣлорусскія народныя повѣрья, 83 и слѣд., 99 и слѣд.). Изъ всего этого несомнѣнно только то, что есть обычай втыкать лошадиную голову на шестъ, значеніе этого не ясно. Германцы, принося въ жертву лошадей, съѣдали мясо, а головы втыкали на вѣтви деревьевъ (Grimm. Myth. 44). Въ Поднѣстровьи втыкаютъ кобылью голову на колъ плетня въ огородѣ, «чтобъ все родило» (Gołębiowski, Lud Polski, jego zwyczaje i zabobony. Warsz. 1830, 141). Волохи на граничныхъ курганахъ ставятъ шесты съ воткнутыми на нихъ бараньими головами, обращенными на востокъ. Этѣ головы предохраняютъ скотъ отъ падежа (Schott, Walach. Märch. 301).

měsicníku, větřníku, o krásně Ulianě a dvou Tatršíkách, Němcové Slov. pov. 414. Дѣлимъ сказку на двѣ части, пока на одномъ томъ основаніи, что первая часть о томъ, какъ герой сказки добываетъ себѣ жену, разсказывается различно, тогда какъ содержаніе второй — похищеніе жены змѣемъ и освобожденіе ея при помощи коня, выслуженнаго у бабы — въ главномъ одинаково во всѣхъ четырехъ разночтеніяхъ.

Первая половина. А. У царя была яблоня; каждую ночь она цвѣла и рожала золотыя яблоки, которыя исчезали неизвѣстно куда. Два старшіе царевича не могутъ подстеречь вора; третій меньшой проснулся въ полночь, когда яблоки начали зрѣть и освѣтили весь дворъ. Въ тотъ мигъ прилетѣло девять золотыхъ павъ, восемь пало на яблоню, а девятая къ царевичу на кровать и стала дѣвицей несказанной красоты. Послѣ полночи дѣвица оставила царевичу два золотыя яблока, обернулась павою и улетѣла. Такъ было нѣсколько ночей сряду. Старшіе братья подсылаютъ бабу подсмотрѣть, кто даетъ меньшому яблоки. Баба притаилась подъ кроватью, и, когда прилетѣла пава и дѣвицею легла къ царевичу на кровать, баба отрѣзала у нея косу. Дѣвица въ тотъ же мигъ улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ отправился ее искать, послѣ долгихъ странствій нашелъ и женился на ней.

Б. Молодецъ служилъ у чародѣя годъ и день (do roku do dne), и выслужилъ богатство и одну изъ трехъ голубокъ, которыя прилетали купаться въ пруду этого чародѣя. Воротившись домой, онъ вырвалъ у голубки три золотыя пера, она стала прекрасной дѣвицей и вышла за него замужъ. Мать не могла надивиться красотѣ невѣстки. «Если бъ у меня было хоть одно мое золотое перо, говоритъ невѣстка, я бы была еще лучше.» Мать достала ей спрятанныя золотыя перья, она оборачивается голубкою и улетаетъ. Молодецъ идетъ искать жены, спрашиваетъ о ней, сначала у чародѣя, у котораго служилъ, потомъ у его братьевъ, изъ коихъ одинъ владѣетъ птицами и звѣрьми, а другой чертями (?). Одинъ изъ чертей, по приказанію чародѣя, заноситъ его по воздуху въ золотоверхій замокъ голубокъ. Жена ему обрадовалась, и они стали жить счастливо.